

ЛЮБОВЬ, ОПРОКИНУВШАЯ ТРОНЫ

A woman with blonde hair in a braid, wearing a red and gold crown with intricate patterns and a red garment. She has blue eyes and is looking directly at the viewer. The background is a dark, textured green.

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

Ожившие предания

Александр Прозоров

Любовь, опрокинувшая троны

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прозоров А. Д.

Любовь, опрокинувшая троны / А. Д. Прозоров — «Эксмо»,
2017 — (Ожившие предания)

ISBN 978-5-04-089185-6

Беззаботный гуляка Федор Никитич, родственник самого Иоанна Грозного, никак не рассчитывал на то, что хоть одна из вереницы появляющихся рядом женщин надолго задержится в его жизни. Однако Ксении Шестовой удалось покорить сердце повесы, да так, что тот вскорости позвал ее замуж. А ведь все, что оставалось тридцатилетней боярской дочери, по глупости погубившей свою честь в юности, – постричься в монахини. Теперь же супружеская чета, свившая семейное гнездышко, готовилась жить тихо и счастливо. Вот только не учла одного: воцарившийся Борис Годунов не будет спокоен, пока не обезопасит себя от первоочередных претендентов на русский престол...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089185-6

© Прозоров А. Д., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая. Перо ворона	6
Часть вторая. Царский брат	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Прозоров

Любовь, опрокинувшая троны

© Прозоров А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая. Перо ворона

13 февраля 1590 года

Москва, Никольская улица

Февральская Москва, радужно сверкающая под ярким, но холодным полуденным солнцем, пахла копченостями, свежим хлебом, пряным сеном, и сладкой карамелью, и, конечно же, едким березовым дымом. Дымом, что поднимался сизыми клубами из многих тысяч труб, выглядывающих над кровлями домов и дворцов, избышек и хором, скромных приземистых банек и роскошных белокаменных храмов, ибо без жарко натопленных печей пережить суровые русские морозы просто невозможно. Дым пробирал собою всю столицу, придавая легкий дегтярный привкус еде и питью, пропитывал одежду горожан, накрепко въедался в бревна бесчисленных срубов, окрашивал в серый цвет сугробы, лежащие под прочными тынами и стенами домов, а крепкий ледяной накат, натоптанный и наезженный за зиму поверх бревенчатой мостовой, так и вовсе превращал в нечто угольно-черное, похожее на глянцевый камень с красивым названием «обсидиан».

Однако на Никольской улице, прозванной в народе Торговой, вездесущий дымный запах все-таки сдавался куда более приятным ароматам, ибо здесь, в бесчисленной чередой стоящих вплотную друг к другу лавок, продавали копченых лещей и индийские пряности, текучий цветочный мед и немецкое вино, свежие куличи и ягодную пастилу, впитавшие в себя жаркое лето неведомых земель изюм, курагу, инжир и финики, а также невероятно пахучие шкатулки из полумифического сандалового дерева.

Столь разные товары манили сюда всякий люд от мала до велика, от простолюдинов до знатных князей. Бок о бок толкались тут крестьянин в овчинном тулупе и боярин в бобровой шубе, холопка в вытертом суконном кафтане и темном платке и княжна в расшитом золотой нитью охабне¹, да в горлатной шапке с самоцветами. Тут же суетились татары в крытых шелком стеганых халатах, меж ними расхаживали суровые священники в черных шерстяных рясах, с тяжелыми золочеными крестами на груди. Кричали зазывалы, мычали коровы, звенели медные котлы, шумно чавкали сеном мохнатые бараны... В общем – торг как торг.

– Спасайся!!! Берегись! – внезапно послышались крики со стороны Кремля. – По-оберегись, зашибу-ут!!!

Покупатели и продавцы встрепенулись, закрутили головами, шарахнулись от середины улицы к лавкам, освобождая проезд, по которому уже неслись во весь опор, едва не разбрасывая в стороны зазевавшихся прохожих, стремительные всадники.

Два породистых туркестанских² скакуна, серый и вороной – высокие, тонконогие, с узкими вытянутыми мордами; на них два столь же породистых наездника – оба лет сорока, с короткими и хорошо вычесанными русыми бородками, оба – в красных ферязях, густо расшитых золотом, в собольих шапках и наборных, сверкающих самоцветами поясах, в синих бархатных штанах и сапогах с бисерным рисунком. И конечно же, не менее роскошной была их упряжь: обитые золотыми гвоздиками седла, серебряные стремяна на шелковых шнурах, на узде – множество мелких сверкающих бубенчиков.

– Ал-ла! Пошел, пошел, пошел! – Всадники, сопровождаемые громкими криками и нежным переливчатым звоном, высекая шипастыми подковами крошево из уличной наледи, стре-

¹ Охабень – верхняя зимняя одежда «выходного дня». Длинные рукава с прорезями, которые нередко завязывали на спине, меховой ворот, много украшений. Шился из самых дорогих тканей, каковые мог себе позволить владелец.

² Ныне эту драгоценную породу принято именовать «ахалкетицами». Отличается от прочих лошадей значительно более высоким ростом и тонкими формами тела, за что прозвана «гончими среди лошадей». Зафиксированный рекорд скорости – 60 км/ч, рекорд по прыжкам через препятствие – 2 м 12 см.

лой пронесли по Никольской, только чудом никого не сбив и не опрокинув, и повернули в Колязенский³ переулок, куда более узкий, но зато пустынный.

– Шалопуты бесовские! – заорал кто-то вслед знатным безобразникам. – Чтоб вам бошки ваши пустые поотрывало!

– Кто это был, православные? – испуганно выдохнул пожилой татарин, отпрыгнувший от опасности прямо на упитанного седобородого батюшку.

– Федор сие, который из Захарьиных! – Священник, взяв басурманина за плечи, решительно отодвинул его от себя и размашисто перекрестил. – Да князь Василий Шуйский с ним, беспутники великовозрастные! Вестимо, перепились опять на подворье Зарядском, да теперь гонки по Москве устраивают, на людей не гляючи! Ни стыда ни совести! Тьфу!

И батюшка презрительно сплюнул татарину под ноги.

Всадники же в этот миг уже выворачивали на Варварку, заставив прыснуть в стороны, как испуганных утят, нескольких стрельцов. Сопровождаемые громкой руганью, они влетели в распахнутые ворота Захарьинского подворья и натянули поводья, отчего скакуны резко замерли, заскользив подковами по чисто выметенным каменным плитам. Бояре спешили, кинули поводья подскочившим холопам в добротных суконных зипунах, подбитых беличьим мехом.

– Ну, Лена, кто?! – жадно спросил стоявшую на нижних ступенях княгиню один из раскрасневшихся всадников.

– Да стремя в стремя прискакали, Васенька, – развела руками женщина, знатность которой доказывали дорогие перстни на пальцах, небрежно наброшенная на плечи, распахнутая соболья шуба с украшенными изумрудами шелковыми вошвами, и парчовый сарафан под ней.

– Так уж и стремя в стремя? – недоверчиво усмехнулся другой мужчина.

– А то вы не видели, как вместе в ворота влетели? – усмехнулась судейщица. – Нет меж вами победителя, бояре. Теперь пошли в трапезную, бо зябко здесь очень. Вина фряжского выпьем, сбитеня горячего истребуем!

– Вот только кому тогда под столом кукарекать?

Мужчины переглянулись.

– Да ладно вам, к чему сие вовсе? – примирительно произнесла княгиня, но ее никто уже не слушал.

– Еще круг, Федор Никитич? – предложил темноволосый князь, круглолицый и кареглазый, на полголовы ниже своего противника.

– Еще круг, Василий Иванович! – согласно кивнул его русоволосый и сероглазый соперник.

Мужчины поднялись в седла, подобрали поводья.

– Елена, командуй, – оглянулся на женщину Василий Шуйский.

– Ну, коли так... – Княгиня медленно развела ладони. И внезапно громко хлопнула, что есть силы закричав: – Шпоры давай!!!

– Н-но, пошла! – тряхнули поводьями бояре, с силой ударили пятками в бока скакунам, и драгоценные туркестанцы, громко всхрапнув, привстали на дыбы, одновременно скакнули вперед, широкими прыжками набирая скорость. Вылетели за ворота, повернули налево. – Геть, геть, геть!!!

Уже знакомых стрельцов, идущих посреди улицы, князь Шуйский и боярский сын Захарьин обогнули справа и слева. Сопровождаемые громкой руганью, пронесли по Варварке почти до самого Кремля, громким разбойничьим посвистом разогнали веселящихся у Васильевского спуска парней и молодух, проскакали под срубленной там горкой высотой почти до крепостной стены и понеслись по краю рва, мимо расписных качелей с каруселями, мимо

³ Колязенский переулок – в 1638 г. переименован в Грамотин переулок, в 1742-м – в Черкасский, каковым и остается поныне.

гигантских шагов и скоморошских вертепов, снова повернули вправо и с криками, посвистом и звоном бубенцов опять вынеслись на шумную и суетливую Никольскую.

– Геть, геть, геть! Ал-ла!!! – Всадники, встав на стременах и прижимаясь телами к самым лошадиным гривам, высекая копытами из наледи жесткую крупку, стремительным галопом неслись по самой середине торговой улицы. Горожане отпрыгивали к лавкам, грозили кулаками и ругались, кто-то даже кидался вслед кусками недоеденных калачей или подобранными осколками льда, но куда там! Знатные озорники уносились дальше еще прежде, нежели недвольные горожане успевали хорошенько размахнуться. – Геть, геть, ал-л-ла!!! Пошла, пошла!

Всадники промелькнули мимо тряпичников, мимо скобяных и винных лавок, лотков с рыбой и восточными сладостями, ароматных хлебных ящичков с кулебяками, расстегаями и баранками, мимо шорников и книжников. До Колязинского переулка оставалось всего с полторы сотни саженей, как вдруг из ворот у мясной лавки стал медленно выкатываться высоко груженный свежим сеном возок, вставая аккуратно поперек улицы.

– Береги-и-ись!!! – Несущийся левым князь Шуйский прянул к стене и каким-то невероятным чудом проскользнул между задком телеги и прыгнувшими на лотки с копченостями москвичами.

У Федора Никитича такого шанса не имелось, и потому он, даже не пытаясь отвернуть, лишь плотнее прижался к шее гнедого жеребца и в трех саженях от препятствия резко тряхнул поводьями, ударил пятками в бока, громко крикнув:

– Геть!!!

Породистый степной скакун послушно взметнулся в прыжке, огромной птицей воспарил над крупом зажатой меж оглоблями пегой кобылки. Несколько мгновений полета – и всадник под цокот копыт опустил на наст по другую сторону препятствия, помчался дальше. Толпа ахнула в невольном восхищении. И вот тут гнедой туркестанец, явно потерявший после прыжка направление, неожиданно скакнул прямо на столпившихся у витрин с лубочными раскрасками людей!

– К-куда-а?! – Боярский сын Захарьин с силой потянул левый повод, и жеребец послушно повернул, уходя от столкновения, резко скребнул подковами по наледи, но вдруг не нашел опоры и начал медленно заваливаться на бок. – Да чтоб тебя!

Не прекращая при том скачки и пытаясь вывернуть на середину Никольской, гнедой клонился все сильнее и сильнее. Федор Никитич совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, увидел стремительно мелькающие шапки, платки, меха и закрытые сукном плечи, громко взмолился:

– Держись, держись, зар-раза! Выноси, родимый!

В какой-то миг ему показалось, что скакун вывернулся, устоял. Но почти сразу после этого седло внезапно исчезло из-под всадника, и боярский сын с невольным жалобным завыванием на всей своей скорости влетел в спины перебирающих товар горожанок, врезался головой между лопаток одной из них, вместе с несчастной пролетел еще на пару шагов дальше, куда-то ударился, что-то сшиб и покатился прочим людям под ноги.

– Вот, кость христова! – остановившись, с чувством выдохнул боярин. Прокашлялся, поднялся на ноги. Тряхнул головой, пытаясь избавиться от странного кружения мыслей.

– Совсем ума лишились, кромешники! Чего творите, шелопуты?! – кричали на него столпившиеся вокруг люди. – Как можно по городу во весь опор носиться?! Совсем страх потеряли! Зажрались на родительском злате, ни стыда ни совести!

Федор Никитич, не отвечая горожанам, похлопал ладонями по телу, вскинул руку наверх. К его удивлению, шапка осталась на голове. Похоже, первым ударом ее вбило так, что теперь даже дома будет не стащить. Сапоги тоже остались на месте, ферязь выглядела целой.

С улицы подошел туркестанец и виновато ткнулся хозяину мордой в плечо.

– Ничего, милый, – погладил его по ноздрям боярский сын. – Все хорошо, ты молодец.

– Уби-и-или-и!!! – внезапно взвыл совсем рядом бабий голос. – Ой, подруженька моя, Ксюшенька! Да на кого же ты меня покину-у-ула-а-а!!!

– Убили, убили! – заколыхалось по толпе тревожное известие. – Девку у лотка убило!

– В Разбойный приказ его надобно волоочь! – предложил кто-то из горожан.

– Нет, к наместнику надо, – тут же поправили с другой стороны. – Душегубством завсегда наместник занимается.

– Значит, к наместнику... – Москвичи стали медленно подкрадываться к знатному преступнику.

Но еще прежде, чем они накинудись на боярского сына, распластанная у прилавка женщина вдруг застонала, зашевелилась. Федор Никитич, облегченно переведя дух, метнулся к ней, опустился рядом на колени.

– Ты как, милая, цела? – И окликнул только что услышанным именем: – Ксюша, ты меня слышишь?

– Ты кто? – прищурилась на мужчину горожанка, оказавшаяся на диво очаровательной. Вздернутый носик, пушистые, выгнутые дугой брови, округлый подбородок, аккуратные очерченные, нежно-коралловые губы и большие карие глаза.

– Я твой ангел. – Мужчина взял ее под плечи и решительно поднял, одним широким взмахом посадил на холку скакуна, перед седлом.

Федор Никитич хорошо ощущал напряжение в собравшейся толпе и отлично понимал, что если прямо сейчас, быстро, все не уладить, люди вполне способны повязать его и потащить на суд наместника али в Разбойный приказ ко всяким стряпчим и подьячим.

– Ты чего это делаешь?! – возмутилась заплаканная, но уже переставшая выть подруга Ксении.

– Люди, вы же все меня знаете! – громко ответил боярский сын. – Никуда я из Москвы не сбегу и бабу изводить не стану! Раны залечу, вместо порченной одежды новую дам, за обиду золотом заплачу, мне сие по силам. Все с ней хорошо будет!

С этими словами Федор Никитич рывком поднялся в седло, обнял шальную после беспомощности, еще ничего не понимающую и не сопротивляющуюся горожанку и тут же, пока в толпе не появилось каких-нибудь новых недобрых мыслей, послал гнедого вскачь.

Переулок, вправо, перекресток – шум позади стих, увезшего свою жертву боярского сына преследовать никто не пытался. Да и зачем? Федора Никитича и вправду знала вся Москва, сбитую женщину он при многих свидетелях забрал. Коли несчастная пропадет – сразу ясно, с кого спрос. Посему шалопаю куда проще выйдет от причиненной беды серебром откупиться, нежели недоброе чего затевать.

В том, что откупиться разгульному боярину будет несложно, тоже никто ничуть не сомневался.

Давным-давно прошли те времена, когда худародные боярские дети Захарьины с хлеба на воду перебивались и на места выше сотника на службе не вырастали. После того как сорок лет тому назад государь Иван Васильевич влюбился в дочь Романа Юрьевича и возвел ее на престол, милости потекли на эту семью рекой. И звания высокие, и пожалования земельные, и дары щедрые. Ныне уже не дом простой они могли себе в столице завести, а просторное подворье в Зарядье; не просто избу срубить, а возвести хоромы кирпичные, со стенами вычурными, грановитыми, да в три жилья, да с черепичной кровлей, да на белокаменной подклети и с каменным крыльцом. И двор у них был вымощен не тесом или плашками, а плитами из серого сланца, и забор был не из тына, а кирпичный, хитрым рисунком сложенный. Своя церковь дворовая имелась с шатром из цветной глазури, слуг было несчитано, выезд не из простых лошадей, а из отборных, выращенных в вольной степи, статных хивинских рысаков, каждый из которых целого состояния стоит. И уж само собой одевался Федор Никитич краше всех в сто-

лице, перстнями драгоценными блистал, мехами изумлял, и упряжь у него не из золота была лишь потому, что не годится сей мягкий металл для сбруи, да и в колокольчиках не звенит.

Единственное, чего не мог даровать государь семье любимой супруги, так это родовитости. Как были они простыми детьми боярскими, так все едино ими и оставались. Однако же при случившейся близости ко двору и обрушившемся несметном богатстве, ныне с Захарьиными даже самые знатные князья дружить не чурались.

Сюда, на сланцевые плиты, и въехал, звонко цокая подковами, гнедой туркестанец боярского сына Федора Никитича из рода служивых людей Захарьиных.

– Однако ты припозднился, друже! – весело встретил его князь Василий Иванович, обнимая свою Елену за плечо. – Еще круг за сие время сделать можно. Так что теперь скажешь, чей скакун в итоге быстрее оказался?

– Мне пришлось остановиться возле ушибшейся красавицы! – спешился Федор Никитич, за бедра потянул свою жертву с холки скакуна и тут же ловко поймал женщину на руки.

– Ха, пустые отговорки! – рассмеялся князь Шуйский. – Кто первым прискакал, того и правда!

Боярский сын не ответил, быстро поднимаясь по ступеням крыльца, и Василий Шуйский со спутницей волей-неволей поспешили следом.

Ксения же, обхватив за шею неожиданного кавалера, пристально смотрела в лицо мужчины и все еще не могла поверить, что все это происходит именно с ней.

Всего несколько минут назад она с Ириной выбирала в лавке недорогой бисер для вышивания оклада Богоматери-Троеручицы, потом вдруг – удар, темнота... А когда Ксения открыла глаза, то увидела перед собой лицо великолепного витязя. Пронзительный взгляд серых, глубоко посаженных глаз, густые соболиные брови, сладкий запах вишни из манящих рубиновых уст. Дальше, словно в сказке, неведомый красавец посадил ее к себе на лошадь, крепко обнял и увез с собою, в богатый чудесный дворец. И вот теперь нес на руках в роскошные хоромы.

В свои без месяца тридцать лет Ксения уже давно не верила в подобные побасенки. Однако – вот же, прямо сейчас она находилась в великолепном дворце и покачивалась во власти статного, могучего, богато одетого, ухоженного красавца! Все происходящее чудилось женщине сном. Сном невероятно реальным – но ведь случаются и такие... И потому Ксения лишь молча обнимала своего невероятного незнакомца и молила небеса от слишком быстрого пробуждения.

Мужчина вошел с ней в высокие распахнутые двери, пронес по расписному сводчатому коридору, затем в обширную залу, осторожно опустил на обитую бархатом скамью... И вот тут Ксения впервые стала подозревать, что чудо происходит наяву. Ибо она оказалась в трапезной. Длинные столы, укрытые бархатными скатертями, заставленные золотыми блюдами, серебряными кувшинами и кубками, сверкающими от множества самоцветов. За этими столами во многих местах сидели бояре – кто в ферязях, кто в шелковых рубахах, и почти все уже без шапок. Сбившиеся по двое, по трое мужчины громко, но беззлобно спорили между собой, пили вино и янтарный мед, закусывали убоиной, яблоками и копченой рыбой, толкали спящих на лавках приятелей, призывая к разговору или выпивке.

Боярская дочь видела подобное уже не один раз. Такое неизменно случалось на второй-третий день долгих помещичьих пирушек. К первому из рассветов некоторые из гостей, не выдержав усталости, начинают отходить от стола и, притулившись на лавках у стен или на широких подоконниках, тихо кемарят. Потом так же поступают гости покрепче, затем самые крепкие, потом крепчайшие из здоровых, но к этому часу просыпаются первые из сдавшихся, снова подсаживаются к столу, включаются в разговор и тянутся к угощению... И вскоре все выглядит именно так, как здесь: часть бояр спит, часть веселится, часть ни то ни се – хмельные и бестолковые. И на сон все это не походило уже ни капельки.

– Ты проиграл, признай! – громко провозгласил князь Шуйский, входя в трапезную следом за хозяином дома. – Мой Архан примчался настолько раньше, что успел остыть еще до твоего появления!

– Ныне куда важнее, Василий Иванович, нет ли у сей красавицы серьезных ран, – опустился возле Ксении на колени ее герой. – Ты смотри, рукав левый у кафтана почти оторван, да еще и под воротником сукно вспорото!

– Где?! – встревожилась женщина.

– Снимай! – скомандовал витязь. – Дворне отдам, пусть залатают.

– Как снимай? – растерялась Ксения.

– Через рукава! – расхохотался мужчина. – Отдам охабень твой слугам, тебе шубу подарю!

– Не надо отдавать, – мотнула головой Ксения. – Как я сию пропажу отцу с матушкой объясню?

– Ну, не хочешь, не надо. Ан все едино снимай. Его залатать надобно, тебя осмотреть.

– Да она замерзла верно, Федор Никитич! – внезапно вступилась за гостью круглолицая женщина в синем бархатном сарафане, с тремя нитями жемчуга на груди.

Кожа – белая, глаза – изумруды, щеки розовые, губы большие и алые, густые черные брови; плечи широкие, стан узкий, платье самоцветами усыпано. Истинно сказочная княжна!

– Февраль ведь на улице, морозы-то какие! – напомнила «сказочная княжна». – Вот, милая, возьми... Выпей, согрейся!

Красавица протянула Ксении серебряный, покрытый яркой эмалью ковш, полный темной, как кровь, и пахнувшей корицей жидкостью. Гостя взяла угощение, поднесла к губам... И только после нескольких глотков поняла, что это вовсе не сбитень, как она ожидала, а горячее донельзя, сладкое немецкое вино с пряными приправами! Обжигающий хмель жадно ворвался в действительно остывшее после долгой прогулки тело, стремительно наполнил жилы, ударил в голову, зашумел, закружил, успокаивая тревоги, расслабляя и убаюкивая, возвращая женщине ощущение полусбывшейся сказки. Щеки госты порозовели, дыхание выровнялось, на губах появилась улыбка.

– Легче? – забрала опустевший ковшик княгиня.

Ксения кивнула, чуть поколебалась, а затем расстегнула крючки на груди и скинула охабень на лавку рядом с собой, оставшись в сарафане из бежевого тонкого сукна с вышивкой на груди и в круглой горностаевой шапке.

– Еще испей... – ласково предложила княжна, наполнив ковш из пузатого самовара, придуманного на Руси как раз для сбитня.

Гостя отказываться не стала – коли уж с улицы да на пиру оказалась. Да и настроение у нее все еще сохранилось... Словно в полузабытьи...

– Крови вроде как нигде нет. – Витязь деловито осмотрел Ксению, прикоснулся к плечу, руке, провел ладонью по спине. – А вот про ушибы с переломами так просто сказать нельзя, тщательнее осмотреть надобно. Пойдем наверх, там спокойнее.

– Куда? – неуверенно переспросила женщина.

– Да сказываю же, осмотреть тебя надобно! – настойчиво повторил мужчина. – Вдруг раны какие под платьем незамеченными остались?

– И кто сие искать станет?

– Так я и осмотрю, – легко пожал плечами боярин. – Али полагаешь, родители меня премудростям важнейшим обучить поленились? Да меня сам Авиценна в мудрость лекарскую посвящал! Джабраил Бахшиш о тонкостях травных сказывал, Абу Туйфаль кости вправлять учил. Если хочешь знать, я в Москве лучшим лекарем являюсь! Кому как не мне ушибы твои исцелять?

Могучий прекрасный витязь протянул ей свою сильную ладонь, украшенную многими перстнями, и Ксения не устояла перед искушением – вложила в нее свои пальцы, поднялась и пошла куда-то под руку со своим героем. В ее голове шумело, щеки горели, по жилам растекалось горячее вино, а душа жаждала продолжения столь чудесно начавшейся сказки.

Минутой спустя женщина оказалась в роскошной опочивальне, с выстеленным персидскими коврами полом, обитыми парчой стенами, с забранными слюдой, стрельчатыми окнами. Балдахин над огромной, две на две сажени, кроватью был шелковый, обивка бархатная, покрывало овчинное.

– Позволь, помогу... – Мужчина, встав сзади, горячо дохнул ей в основание шеи, растегнул костяные пуговицы на плечах, потянул в стороны ткань, и женщина покорно позволила сарафану соскользнуть на пол. Витязь стал целовать ее спину, постепенно опускаясь все ниже, но делал это как-то странно, неуклюже, дергано.

Ксения все поняла, когда сильные руки развернули ее, а губы стали касаться лица. Окажется, мужчина уже успел раздеться. Последним движением витязь смахнул шапку с ее головы, приобнял и опустил на постель, скользнул ладонями по телу, целуя подбородок, шею, ключицы. Пальцы приласкали бедра, губы коснулись одного соска, другого. Нежно, сладко, умело... Привычно...

«Подобрали на улице, – вдруг мелькнуло в голове женщины. – Привезли во дворец богатый, роскошью поразили, вином пряным подпоили, словом добрым утешили, награду пообещали, повод хороший нашли, да на перинку и уложили, сладостью бабьей потешиться».

И случившаяся сказка вдруг предстала перед нею такой мерзкой и банальной пошлостью, что Ксения изо всех сил отпихнула от себя «удалого витязя», резко откатилась в сторону и рывком поднялась с перины. Наклонилась за одеждой, торопливо пытаюсь разобраться в складках мягкого сукна и множества полотняных юбок.

– Ксюша, ты чего?!

– Авиценна пять веков назад умер! Не мог он тебя учить! – бросила через плечо женщина. – Совсем за дуру меня держишь? А Бахтиш вообще все десять!

– Зато Туйфаль только триста!

– Ну и что?! – Собрав сарафан в охапку, женщина повернулась к нему: – Нечто он тебя три века назад обучал?

Ее сказочный витязь – немаленький и довольно крепкий мужчина зрелого возраста, полулежа на постели, смотрел на гостью с такой растерянностью, словно малое дитя, у которого только что забрали из рук сладкую конфетку. Вестимо, подобного исхода своему приключению знатный щеголь никак не ожидал. И от сего детского невинного взгляда злость и обида в хмельной голове Ксении погасли так же быстро, как и возникли.

– Зато я наполовину царь! – вдруг выдохнул ее герой. – Племянник царицы Анастасии, первой жены государя Ивана Васильевича!

– Ну и что? – пожала плечами женщина. – Думаешь, теперь тебе все можно?

– Истинный царь своим прикосновением исцелять способен, – напомнил боярин.

– Но ты не царь!

– Только наполовину, – повторил мужчина. – Полагаю, мне надобно два прикосновения вместо одного.

Ксения невольно улыбнулась находчивости боярина.

Надо же такое придумать: наполовину царь! Похоже, ее соблазнитель был не так уж и глуп, как подумалось поначалу... Сильный, статный, ладно скроенный, обтянутый гладкой атласной кожей. Красив на диво и совсем незлобен. Ведь когда оттолкнули, силой своего добиваться не стал, бесчестить не захотел...

Нет, ее витязь, пожалуй, все-таки неплох. Хорош собою и благороден душой...

В душе боярской дочери благонравие и скромность вступили в отчаянную схватку с остатками сказочного наваждения, хмельным желанием ласки и любви, надеждой хоть ненадолго избавиться от тоски, пустоты и безнадежности.

Когда еще в ее жизни появится шанс очутиться в объятиях такого ухоженного красавца? В конце концов, что она потеряет от сего маленького приятного приключения?

И потому женщина, сделав шаг вперед, поставила ступню на край постели:

– Синяк на колене видишь? Лечи!

Боярин резко сел, на глазах расцветая, чуть сдвинулся, наклонился навстречу и коснулся указанного места губами. Чуть выждал, поцеловал снова. Потом еще раз.

– Не поняла... – задумчиво покачала головой Ксения и указала на бедро чуть выше. – А вот здесь?

Ее герой загадочно улыбнулся, придвинулся ближе, коснулся губами раз, другой, третий... Давно позабытое сладкое томление побежало по телу Ксении, горячей истомой зашекетав самые потаенные уголки женской плоти.

Боярская дочь сглотнула и провела по коже пальцем:

– Здесь на плече ссадина.

Боярин поднялся, крепко взял ее за бедра, наклонился и жарко поцеловал в основание шеи, потом еще раз, и конечно же в третий. Прошептал:

– У тебя еще и под грудью большая отметина. Исцелить?

Ксения медленно опустила одежду, уронила ее на пол и позволила снова уложить себя на постель, огладить бедра, поцеловать сперва и вправду ноющие нижние ребра, а потом приласкать и соски, шею, лоно... Все это больше не казалось женщине пошлостью, ибо теперь это был ее выбор и ее желание. И потому боярская дочь легко и спокойно позволила себе утонуть в нежности, завернуться в негу, раствориться в сладострастии, целиком и полностью отдавшись во власть столь нежданно посланному ей судьбой мужчине.

«Сказочный витязь» оказался жаден и неутомим, заставив Ксению несколько раз закружиться в горячем безумии, взорваться огнем страсти, не в силах сдержать крика, но затем, в очередной раз доведя гостью до полного бессилия, вдруг резко поднялся и стал одеваться.

«Вот и все... – поняла Ксения. – Вот и сказочке конец...»

Душу женщины царапнула острым шипом легкая обида, но... Но ее сегодняшнее приключение и без того оказалось дивным и невероятным. Таким, о каковых помнят с улыбкой до седой старости и никогда никому не рассказывают, ибо все равно никто не поверит.

В этот раз боярская дочь разобралась с юбками куда быстрее, успев облачиться почти одновременно с боярином, и вместе с ним вышла из опочивальни. И «сказочный витязь» даже взял свою гостью под локоть.

В трапезной к их возвращению стало заметно больше гостей, угощение на столах обновилось, под потолком загорелись свечи четырех многорожковых люстр. Теперь уже в шубах не осталось никого – хмель и жар натопленных палат победили спесивость, и плюс к тому меж мужчинами возникло несколько румяных молодух в платках и полотняных сарафанах.

– Любо Федору Никитичу! – заметил их один из гостей и вскочил, схватив со стола кубок. – Слава хозяину нашему любезному!

– Любо, любо! – обрадовались прочие бояре. – Здоровья тебе, боярин Федор Никитич! Здоровья крепкого, богатства и долгие лета! Любо Федору Никитичу! Слава, слава!

Опять полилось рекой вино по золотым кубкам, вонзились острые ножи в толстые шматки истекающей прозрачным жиром розовой буженины и целиком запеченных осетров, загудели разговоры, послышался с разных сторон громкий смех.

– Где мой охабень? – с тревогой оглядела трапезную Ксения.

– Знамо, девки прорехи латают. Ты же не захотела с ним расставаться? Теперь жди, пока зашьют. – Федор Никитич обнял женщину за плечо, провел вдоль стены, сел во главу стола

и усадил слева от себя в обитое бархатом кресло с широкими подлокотниками. Справа князь Шуйский целовался со своей зеленоглазой красавицей. Причем Василий Иванович тоже избавился от ферязи и ныне сверкал просторной рубахой из зеленого переливчатого шелка. Но вот его спутница, бедняжка, продолжала париться в тяжелом бархате.

– Ну наконец-то вернулись наши голубки! – оторвавшись от сладких губ кавалера, расмеялась княжна. – Ну, как вы там? Согрелись али исцелились?

– Проголодались! – Федор Никитич решительно придвинул к себе лоток с нанизанными на деревянные палочки заячьими почками, взял одну, принялся с наслаждением жевать. Скользящие неслышной тенью слуги наполнили его отделанный рубинами кубок и усыпанную сапфирами чашу, что стояла перед Ксенией.

Боярская дочь вздохнула. Хмелеть еще сильнее она не собиралась... Но в чаше находилась единственная влага, каковой можно было утолить жажду в этом доме, а женщине очень хотелось пить...

Вином оказалась густая, как патока, и очень ароматная вишневая наливка. Гостья сразу поняла, откуда взялся окутывающий ее «сказочного витязя» сладкий ягодный запах. Вестимо, последние пару дней он пил токмо сей вкуснейший напиток.

– Так как прошел осмотр? – и не думала сдерживать своего любопытства княжна. – Федор Никитич оказался достоин звания воспитанника Авиценны?

– Он проявил себя достойно званию ближайшего царского родича! – пряча довольную улыбку, покосилась на хозяина пира Ксения.

– Кто это тут еще ближайший царский родственник?! – Даже во хмелю глава рода князей Шуйских не мог не возмутиться подобным намеком. – Ты, что ли, Федор Никитич? А я тогда кто?

– Не забывай, Василий Иванович, что я все-таки двоюродный брат государя, да продлят боги его годы и даруют детей поболее! – поднял кубок хозяин дома.

– Долгие лета государю нашему Федору Ивановичу! – согласился князь Шуйский и чокнулся с боярским сыном Захарьиным. – Однако же не забывай, друг мой, что брат ты царю по женской линии, всего лишь по женской! А кто же баб в делах династических считает?

– А отчего и не счесть, коли всех нас в сей мир женщины приносят? – пожал плечами хозяин дома. – Разве сыновья от разных отцов, из одного лона вышедшие, братьями кровными не являются?

– Братьями, оно да, – согласился князь, – да токмо права наследные у них разные! Вот посмотри на меня, Федор Никитич. Наш род с государевым три века назад разделился. Однако же и мне, и братьям моим, равно как и князю Мстиславскому жениться царем воспрещено! А почему? Да потому, что сыновья наши, буде раньше царских они родятся, прав на трон будут иметь поболее, нежели сын государя! Вот оно какое, родство отцовское, мужское! Ты же государю, считай, что ближняя кровиночка, брат двоюродный. Но... – вскинул Василий Иванович украшенный перстнем с изумрудом палец, – но брат ты по его матери. И что, есть тебе хоть какие запреты на женитьбу? Нету ничего! Ибо женской линии никто не считает!

– Но все-таки я государю брат! – тоже вскинул палец Федор Никитич. – Ближайший родственник!

– Ты токмо не сердись, друг мой! Ты же знаешь, как я тебя люблю! – Князь Шуйский, отодвинув зеленоглазую княжну, полез к хозяину обниматься, хотя из кресла это и оказалось крайне неудобно. – Обижать тебя я и в мыслях не имею! Родство родством, а дружба дружбой! Я ведь тебя в обиде не заподозрил, когда ты меня под стол загнать возжелал?

– Это когда, дружище?! – не понял хозяин дома.

– А когда мы об заклад бились, чей туркестанец резвее! – напомнил князь. – И ведь предлагал я тебе, предлагал на сто рублей спорить! Ан ты сам настоял проигравшему под столом кукарекать за-ради общего веселья!

– Так кто победил, кто первым вернулся? – заинтересовались ближние бояре, слышавшие их разговор.

– А и верно, кто, Федор Никитич? – злорадно ухмыльнулся Василий Иванович и сделал большой глоток из своего кубка.

Боярский сын Захарьин тяжело вздохнул, оглянулся на свою гостью, словно это она была виновна в его поражении, после чего с кряхтением полез вниз. Вскоре из-под бархатной ска-терти послышалось тоскливое:

– Кукареку! Кукареку! Кукареку!

Ксении стало не по себе. Спор спором, дружба дружбой, пьянка пьянкой, но ведь позорище-то какое, боярину знатному под столом кукарекать!

Несколько мгновений она колебалась, а затем, прихватив со стола миску с жареными пескариками и вновь наполненную слугами чашу, тоже спустилась вниз, заползла под бархат.

– Ты чего тут делаешь? – удивился боярский сын Захарьин.

– Коли хозяин под столом сидит, то и гостям место там же, – невозмутимо ответила женщина. Кинула в рот несколько хрустящих рыбешек, запила вином, протянула кубок Федору Никитичу: – Будешь?

– Конечно, – согласился боярин, отставил чашу в сторону, опрокинул гостью себе на колено и жарко поцеловал в самые губы. Ксения закинула руки ему за шею, привлекла ближе и ответила столь же страстно.

– Чем вы там занимаетесь, охальники? – внезапно забеспокоилась княжна. – Нечто места другого для баловства в доме нету?!

– Чем-чем... Кукарекаем! – задорно ответила Ксения. – Нечто завидно?

Спутница князя Шуйского зашевелилась, стол вздрогнул, но тут же послышался решительный голос самого Василия Ивановича:

– Не полезу!

Ксения и Федор допили вино, еще пару раз крепко поцеловались, после чего, покрасневшие и веселые, выбрались обратно в кресла. Глядячи на них, Василий Иванович громко хмыкнул, приподнял свой кубок, как бы приветствуя, и вдруг спросил:

– Федор Никитич, я тут все вспомнить пытаюсь, а с чего у нас с тобой вдруг спор о престолонаследии затеялся? Вроде как нам с тобой делить там совершенно нечего!

– Истинный царь любые ушибы своим прикосновением исцелить способен, – вместо хозяина дома пояснила его гостья. – Стало быть, тот, кто почти царь, сие должен с двух прикосновений творить.

– А-а, – повеселел князь Шуйский. – Так это ко мне! Ныне я по всем раскладам первый престолу наследник!

– Вот как? – Ксения выпрямила спину, медленно провела ладонями по груди, по животу, по бокам и бедрам, демонстрируя каждый изгиб ладного тела... и мотнула головой: – Благодарствую, княже! Но ныне ничего не болит!

И она наклонилась к своему витязю, крепко поцеловав в сладкие ароматные губы.

Княжна Елена довольно расхохоталась, запустила пальцы князю в бороду и хорошенько потрясла:

– Что, кобель похотливый, получил от ворот поворот?!

Федор Никитич довольно улыбнулся, сделал пару глотков из своей чаши и покачал головой:

– Не верь, Ксюша, мой верный друг зело лукавит. Он ныне совсем не первый. Первым в споре, ежели что случится, упаси нас небеса от такой беды и дай бог здоровья государю, станет отнюдь не Василий Иванович, и даже не я. Первым наследником будет Угличский князь Дмитрий Иванович.

– Ах да, да, – болезненно поморщился князь Шуйский. – Наш маленький Дмитрий, младший сын Ивана Васильевича. Я совсем про него забыл...

* * *

По странному совпадению, в эти же самые минуты в роскошных княжеских хоромаш, что возвышались на самом берегу Волги в древнем городе Угличе, почти о том же самом беседовали боярин Андрей Клешин, окольный государя Федора Ивановича, и княгиня Мария Нагая, нестарая еще вдова государя Ивана Васильевича. Они сидели в скромной светелке размером всего пять на пять шагов, с единственным, зато слюдяным, прозрачным окном. На падающем из оногo светлом пятне стоял небольшой столик, с трудом вмещавший на себе два блюда с расстегаями – один с клюквой, другой с рыбой; вместительную глиняную кринку и два серебряных кубка с самоцветами.

Женщина носила черное, траурное платье, каковое можно было бы принять за монашескую рясу, кабы не роскошный ворот из чернубурки и такая же опушка рукавов; волосы ее прикрывал темный пуховый платок. Гость на фоне хозяйки выглядел до неприличия роскошно: бобровая шапка, соболья шуба, крытая сукном рубинового цветов, длинная русая борода заплетена в три косички с шелковыми лентами синего, золотого и красного цвета, на шее – тяжелая золотая цепь да плюс к ней ожерелье из яхонтов, да еще и янтарные бусы, на перстах – золотые украшения с камнями, на запястьях – вычурные тяжелые браслеты. Однако боярин имел на сию роскошь полное свое право. Чай, не нянька он вдовая, а столичный царедворец!

– Спасибо тебе, что не забываешь, и за вести свежие из Москвы, – задумчиво кивнула дальнему родственнику княгиня. – Уж не знаю, радоваться мне им али печалиться?

– Тревожиться, Мария Федоровна, тревожиться, – пригубил кубок гость и продолжил: – Вот уж скоро двадцать лет, как государь наш женат, а супруга его по сей день так ни единого отпрыска и не выносила. И в сей раз вот тоже выкидыш случился. Однако же ни о ком более, окромя своей любимой Ирины, Федор Иванович слышать не желает! Коли так и дальше пойдет, вполне может случиться, что уйдет он в Золотой мир, наследника прямого не оставив.

– Я, конечно же, о здоровье Ирины Федоровны беспокоюсь, – размашисто перекрестилась вдова, – однако же не могу забыть, что, коли она пустой останется, то единственным наследником русского престола станет мой сын!

– Не единственным, – очень тихо, почти шепотом, возразил боярин, – а первым. Вторым же князь Василий Шуйский окажется, да и еще желающие найдутся. Но Шуйские, известное дело, ради возвышения своего ни перед чем не остановятся. Они ведь даже не скрывали, что Елену Глинскую отравили и князя Телепнева извели. И про Иоанна, мужа твоего, слухи бродят, что без их яда не обошлось...

– Будь они прокляты! – с силой сжала кулак женщина.

– Василий Шуйский не дурак... – Гость сделал пару глотков хмельного меда и продолжил: – Он тоже хорошо понимает, что между ним и венцом царским токмо твой сын находится. И коли с маленьким Дмитрием что-то случится, то мечты всего рода князей Шуйских наконец-то исполнятся, и они в державе нашей верховодить начнут.

– Это-то я понимаю, Андрей Петрович, – согласилась княгиня Нагая, – Шуйским куда интереснее соперника в детстве извести, покуда Дима мой не возвысился, на трон не взошел. Помазанника Божьего отравить – сие не так просто, и грех большой, и виновных раскроют быстро, ибо при дворе все на виду. Там и кравчий следит, и стража, и дворня царская. А коли мальчик малой в ссылке дальней преставится, так на сие никто и внимания не обратит. Но токмо что ты предлагаешь, Андрей Петрович? Бдить за моим сыном особо и со всем тщанием? Так мы и без того бдим!

– Спрятать его надобно, душа моя, – совсем уж слабым шепотом ответил окольныйничий. – Отправить на воспитание к родичам, отсель подальше. Здесь же, в Угличе, кого-нибудь похожего оставить⁴. Пусть душегубы двойника изводят! Если с ним чего и случится, завсегда можно царевича занедужившим назвать, а опосля истинного Дмитрия привезти и как выздоровевшего людям показать.

– Легко сказать, «подмени»! – откинулась от стола женщина. – Но как сие сделать-то? Приметен больно мальчик мой. У него две большущие родинки на лице – на носу да на лбу. Опять же, дьяки царские ко мне приставлены, за Дмитрием смотреть. А ну, неладное заподозрят? Это же измена прямая получится, истинного царевича на иного ребенка подменить!

– Приметы яркие, это как раз хорошо, – покачал головой Андрей Петрович. – Когда что-то заметное в лице имеется, на прочие черты люди смотрят меньше. Двойнику на рыбий клей рубец в нужные места прикрепить, и вся недолга! В остальном тоже дело несложное. Одевать надобно так, чтобы лицо терялось. Кафтаны с воротником высоким, шапки мохнатые, низко надвинутые. Слуг доверенных научи собой царевича при любых выходах закрывать, прочих смертных гоните подальше, близко не допускайте. Сказывайте, о безопасности Дмитрия заботитесь. И дьяков с холопами тоже гоните. Отвечай, что не доверяешь ты им, и все. Ты мать и царица, пусть и вдовая, ты в полном праве при дворе сына своего распоряжаться! Их беда не твоя забота. Пусть издалека за братом государевым смотрят! Опять же, не навсегда сия хитрость надобна, а токмо на годы ближайшие, пока твой сынок мал и несмышлен еще. Возмужает, поймет что к чему, научится сам опасностей стеречься, тогда обманку сию и завершим. Как призовут впервые Дмитрия ко двору, вот тогда истинный царевич людям и предстанет! А до того ему лучше в стороне от недобрых глаз находиться.

Княгиня надолго задумалась, еле заметно шевеля губами. Потом вдруг махнула рукой над заветренными пирогами, словно мух отгоняла, и спросила:

– А тебе с сего какой резон, Андрей Петрович?

– Ну, мы какая ни на есть, хоть и дальняя, но все-таки родня, Мария Федоровна, – напомнил окольныйничий. – Нам Шуйские и Мстиславские на троне не нужны. Гонористы больно, все мы для них худородки. Загнобят. Мы лучше Дмитрию Ивановичу верной опорой станем. Коли он в отца да брата своего норовом пойдет... То иной награды нам и не надобно. Служить честно на местах своих, о благе державы и государя нашего заботиться.

– Что же, Андрей Петрович, спасибо тебе за совет, – степенно кивнула вдовая царица. – Не забуду.

16 февраля 1590 года

Москва, Арбат

Жить за крепкими стенами столицы – удовольствие дорогое, не каждому по карману, и потому подворье боярских детей Шестовых, как и многих других служивых людей, находилось в пригороде к западу от города. Никаких ремесел – ни кожевенных, ни колокольных, ни котловых, ни мясных здесь не имелось, и потому свою слободу местные обитатели называли банально и прямолинейно: Арбат. Что на хорошо знакомом любому образованному человеку арабском языке означало просто «пригород».

Ксения вернулась домой аккуратно к обеду. Скинув в сенях верхнюю одежду, она заглянула в большую горницу, поклонилась отцу с матерью.

⁴ Здесь и далее события излагаются в той версии, которую считали истинной такие известные историки, как Н. И. Костомаров, А. С. Суворин, С. Ф. Платонов, Н. М. Павлов, С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, С. Д. Шереметев, В. О. Ключевский, К. Ф. Валишевский и многие другие ученые, в том числе печально известный «немец во главе русской истории» Фридрих Миллер.

– Явилась не запылилась, – даже не повернул головы в ее сторону седовласый и дородный боярский сын Иван Васильевич, одетый дома в татарский цветастый стеганный халат. – Ну, сказывай, Ксюшенька наша, где на сей раз блудила, с кем гуляла, чего видывала?

– Ты чего говоришь?! – сделав страшные глаза, толкнула мужа в локоть Мария Ивановна, облаченная в скромный коричневый шерстяной сарафан и беличью душегрейку.

– А что я говорю? – пожал плечами мужчина. – Три дня дочурка наша дома не ночевала. Нечто тебе не интересно, где она на сей раз тешиться изволила?

– В Спасском монастыре всенощные стояла, а днем трудничала, – соврала Ксения.

– Чего же там не осталась-то? – ехидно поинтересовался отец.

– Скучно в монашках жить, батюшка, – уже в который раз отмела родительские намеки Ксения. – Не хочу.

Она собралась было пойти к себе в светлицу, однако громкий голос отца остановил женщину:

– А вот подружка твоя, Ирина, сказывала, что на торгу Никольском ты с боярином неким стакнулась, да с ним и уехала!

– Не стакнулась, а столкнулась, батюшка! – поправила родителя Ксения. – Сшиб он меня! Перстнем вот дорогим за обиду откупился, да слуги его охабень мой вошвами украсили.

– Заплатами? – ехидно оскалился Иван Васильевич.

– Вошвами настоящими! – повысила голос женщина. – С жемчугом да агатами!

Вошвы, известное дело, отличаются от заплат тем, что одежду украшают, а не просто прорехи под собою прячут. Делаются они из тканей драгоценных, да и сами еще сверху нередко чем-то отделяваются. На плече старого охабня Ксении ныне алел шелковый треугольник с пятью жемчужинами, на груди появился бархатный ромбик с темным рубином в серединке, на полах – просто парчовые овалы. Но ведь сама парча-то – с золотым шитьем!

– И в монастырь я пошла молитву о спасении чудесном вознести! – добавила Ксюша и с громким топаньем двинулась наверх.

– Может, хоть перекусишь с дороги, доченька?! – крикнула вслед Мария Ивановна.

– Спасибо, матушка, я сыта! – Поднявшись к себе, женщина наконец-то упала на постель, прямо поверх вышитого по краю, хорошо выбеленного полотняного покрывала, устало перевела дух. Потом подняла руку, любясь перстеньком с тремя стоящими в ряд продолговатыми яхонтами.

Разумеется, Федор Никитич ни за какую обиду от нее не откупался. Просто подарил перед расставанием. Три самых сладких дня в ее жизни, три самые сладкие ночи... Какие могут быть обиды?

В голове Ксении еще шумела ароматная вишневая наливка, в ушах стоял смех, с которым они с княжной Еленой на спор, кто выше, качались на стоящих в подворье Захарьиных качелях, как катались там с ледяной горки и сражались за место «царя горы», как болели за своих мужчин, что прыгали на скакунах через снежные стены, сбивали шапки, поднимали из седла платок и ловили рогатинами брошенные поперек пути кольца. Но краше всего отложились поцелуи ее могучего, красивого витязя, его ласки, его ненасытность...

Увы, сказка не бывает вечной. Совсем не ко времени на подворье пришел посыльный, уведомляя хозяина о желании государя отправиться на охоту – и все гости, все князья и бояре быстро собрались по домам, дабы спешно попариться и переодеться, выветрить хмель и явиться на службу свежими. Праздник кончился. Федор Никитич крепко поцеловал Ксению на прощание, снял кольцо и надел ей на палец, после чего повелел холопу с почтением проводить женщину до ворот...

Ксения уронила руку на покрывало и закрыла глаза. Ей тоже хотелось бы сейчас попариться и переодеться, но она отлично понимала, что таким поступком вызовет новую волну язвительности и гнусных намеков со стороны отца и потому решила потерпеть до субботы.

Впрочем, на отца женщина не обижалась. На все свои намеки, язвительность и подковылки Иван Васильевич имел полное право. Ведь пятнадцать лет тому назад, совсем еще глупой и наивной девицей, Ксения совершила страшную ошибку, поддавшись очарованию соседского красавца-боярина, вернувшегося из ливонского похода с победой и изрядной добычей. Тогда ей – совсем юной, начитавшейся сказок глупышке, еще казалось, что любовь способна одолеть любые преграды, а мужским клятвам можно доверять. И Ксения поддалась первой в своей жизни неистовой страсти.

А потом... Потом боярин отправился в новый поход, а влюбленная дурочка осталась дома с раздувшимся животом и пожизненным несмываемым позором.

Родившийся младенец прожил всего четыре месяца. Но вот позор – позор остался навсегда.

Избавляясь от дурной молвы, отец с братом продали костромское наследное имение, переехали в многолюдную столицу, подальше от шепчущихся соседей. Слухи и вправду остались там, на Волге. Но что это меняло? Чести ведь переездом не вернешь. Замуж опозоренную девицу уже никто не возьмет. Это крест. Только два пути оставалось для Ксении в ее судьбе. Либо пойти в монастырь, либо в приживалки, в старые тетки к кому-нибудь из родичей. Чужих детей помогать растить, раз уж своих заиметь не судьба.

Иван Васильевич совершенно вправе был постричь свою дочь в монастырь – грех необратимый замаливать. Мог сие сотворить, но не стал. Похоже, любил отец единственную свою дитятку, несмотря ни на что, хотя вслух о сем часто не сказывал. Так как же можно на него обижаться? Пусть язвит, пусть ехидничает, коли ему через сие с бедой легче справляться. Ведь так выходит, остался теперь боярский сын Шестов без потомков. На нем старинный служивый род и прервется. И всё по вине влюбчивой беспутной дочери.

– И на Федоре Никитиче тоже прервется. – Мысли женщины вновь свернули обратно на сказочного витязя. – Надо же, тридцать пять лет боярину, а о браке и не задумывается. Чисто мальчишка!

Ксения поднялась, подошла к стоящему напротив постели сундуку, подняла тяжелую крышку. Когда-то, достаточно давно, здесь копилось ее приданое: простыни, наволочки, полотенца, вышивки и кружева, рубахи. Однако надобность в приданом отпала, накопленные «сокровища» разошлись по хозяйству, и теперь здесь лежала всякая рухлядь: меха-украшения, бисер с вышивкой, простенький складень да пара икон.

Покачав головой, женщина опустила крышку обратно, вышла из светелки, спустилась вниз, громко спросила:

– Матушка, ты здесь?! Скажи, а Ирина бисер мой не оставляла? Мы же с ней за ним и иглами ходили, когда меня сбили!

– Приносила, Ксюша! Конечно же приносила! – ответили со стороны кухни.

– И где он лежит? Хочу оклад для иконы пошить, покуда не стемнело!

– Может, все-таки перекусишь, доченька? Иван Васильевич со двора ушел, можешь не опасаться. А опосля вместе вышивать сядем.

Ксения помедлила с ответом, и Мария Ивановна предложила:

– Пряженцы с вязигой горячие еще. Иди сюда, садись. Пирог с квасом милое дело, когда с мороза приходишь! Опять же, на кухне и теплее, и света больше. Давай, иди сюда!

* * *

За три дня боярская дочь Ксения Ивановна успела полностью погрузиться обратно в вязкое однообразие дворовой жизни. Поспать, поесть, посидеть за вышивкой. И снова: сон, еда, плетение кружева из полотна. От такого однообразия даже если нужда заставляет похлопотать по хозяйству: погреб там проверить, сена на торгу докупить, постели перестелить – то и сие за

радость кажется. Однако же до конца недели ничего особенного не случилось. Если не считать того, конечно же, что женщина закончила отделявать бисерный оклад образу Богоматери-Троеручицы, и теперь он красовался во Ксениной светелке, в красном ее углу.

В субботу, ловко подгадав к банному времени, на подворье Шестовых заявился боярский сын Григорий – боярам племянник, Ксении двоюродный брат. Высокий, синеглазый и большеротый, с неизменно растрепанными темными волосами, лопухий и с большим округлым носом. Гришка был сиротой. После того, как его отца, Богдана Отрепьева, зарезали в пьяной кабацкой драке – иных родичей у шестнадцатилетнего паренька в столице не осталось. Посему у Шестовых новика привечали: кормили, в баню пускали, ночевать оставляли, коли нужда случалась. Вот только никакой протекции Иван Васильевич племяннику составить не мог, ибо и сам высоких постов на службе не занимал.

Ксения, хорошо попарившись, свежая, чистая и сомлевшая, пахнувшая ромашками от заваренной на цветах воды для мытья волос и одетая в отдушенную можжевельником рубаху, отдыхала у себя в светелке, когда в дверь вдруг постучали, а затем внутрь просунулась лопухая голова:

– Привет, сестренка! Ты здесь?

– Не-а, – лениво покачала головой Ксения.

– Ну, тогда я к тебе. – Гришка вошел в светелку, деловито придвинул к постели лавку, сел сверху, словно на коня, поставил перед собой березовый корец, полный закрученных пластинок ягодной пастилы. – Ну, сестренка, сказывай, что у тебя за беда?

– Да нет у меня никакой беды, братишка. – Женщина придвинулась к краю кровати и потянулась к угощению. – Все у меня хорошо.

– Сказывают, боярин тебя какой-то с ног сбил, помял изрядно. Давай, говори! Кто таков, где обитает? Я ему за тебя все руки переломая и голову задом наперед приделаю! Кто это был? Как звать?

– Ты мой защитник! – рассмеялась Ксения. – Нет, Гришка, ничего я тебе не скажу. Ты ведь пойдешь, руки-ноги кому-то во гневе переломашь и голову свернешь, а я потом в смертоубийстве виновата останусь. Не-е, Гриш, на что мне такой грех на душу? О себе лучше поведай. Как служба твоя? Как продвигается, чего перепадает, что обещают?

– А-а, ниш-што, – отмахнулся новик. – Пристроился к князьям Черкасским, ворота там сторожу да хвосты лошадям кручу. Моего там даже имени никто не помнит. Я для них: «Эй, служивый!» – и все.

– Подожди, братец! – приподнялась на локте женщина. – Но ведь ты вроде как в науках многих горазд, грамотен, почерк у тебя красивый. Тебе надобно в писари идти!

– Не надобен Черкасским писарь, – поморщившись, посетовал паренек. – Им привратник надобен. Да слуга дворовой, поводья принимать.

– Это плохо. – Ксения в задумчивости покрутила на пальце недавно подаренный перстень. – Прямо не знаю, чем тут можно помочь. – Женщина опустила взгляд на три стоящих бок о бок камушка, и вдруг ее осенило: – Хотя нет, братишка, знаю! Имеется у меня один знакомый. Хотя, может, уже и не знакомый. Может статься, уже и забыл... – заколебалась женщина. – Но отчего не попытаться? Ты вот что, Григорий... В понедельник вечером сюда приходи. Глядишь, к тому времени одна моя задумка и выгорит.

Новым днем, сразу после воскресной службы, боярская дочь переделалась в лучшие одежды: в выходной сарафан тонкого бежевого сукна, да с атласными боками и плечами; снизу поддела две юбки льняные, с кружевом по подолу, а выше, под самое платье, еще две мягкие шерстяные, для тепла и пущей пышности. Сапожки натянула мягкие, войлочные, с подшитой кожаной подошвой. В городе без подошвы нельзя – в любой мороз на улицах грязно. Волосы заплела, как положено, в косу, однако от чужих глаз спрятала, скрутив и заколов на затылке,

прикрыла легкой прозрачной пеленой из крапивной кудели и уже сверху надела горностаевую шапку. В таком виде и сбежала со двора через заднюю калитку, дабы отцу на глаза случайно не попасться.

До Варварки Ксения шла полный час – и чем ближе становился дом боярского сына Федора Никитича, тем меньше решимости оставалось в женщине, тем сильнее сомневалась она в правильности своего поступка...

Ну да, повезло замарашке однажды в дом знатного боярина попасть! Сразу не прогнали, снизошли, поиграли-приголубили, отпустили с богом... Ну и все, пора и честь знать. Какие могут быть дела у царского брата с порченной девкой? Они не то что не ровня – из миров разных происходят! И просить о чем-то знатного красавца-витязя, ссылаясь на случайное уличное столкновение – слишком уж нагло получается.

С этими мыслями Ксения и встала перед воротами усадьбы Захарьиных, не решаясь постучать. Однако привратник все равно заметил неладное, открыл дверное окошко и хрипло спросил:

– Чего к калитке жмешься, деваха? – Несмотря на старческий голос, выглядел холоп молодо: ни усов, ни бороды еще не прорезалось, нос длинный, щеки впалые, кожа розовая. Чисто лисенок юный – шуплый, лопухий и вечно голодный.

Увидев его, Ксюша сразу вспомнила брата, и это придало женщине решимости:

– Я к Федору Никитичу пришла, служивый. Дома ли он ныне?

– Дома-то он дома, красавица, да токмо нужна ли ты ему? – покачал головой привратник. Опрятно одетая, не нищая, но все едино худородная гостья доверия у слуги не вызывала. К Захарьиным редко заглядывали гости, не имеющие при себе хотя бы пары холопов. Да еще пешие! Посему он предложил: – Ты коли поклониться с чем-то хочешь, лучше у церкви попробуй перехвати, чего дома-то знатного человека тревожить?

Ксения подумала, затем сняла с пальца кольцо с самоцветами и протянула холопу:

– Вот, хозяину своему покажи. А уж он пусть сам решит, желает меня увидеть али нет.

Паренек задумчиво хмыкнул. Дорогой пропуск произвел на него впечатление. Немного поразмыслив, слуга даже приоткрыл калитку и пропустил гостью на двор:

– Здесь обожди, лебедушка. Мало ли на улице зашибут...

На сем забота холопа о женщине закончилась. Он шумно задвинул широкий железный засов, побежал через двор и по ступеням крыльца наверх.

Федор Никитич в этот день поднялся поздно. Вернувшись накануне после охоты, он изрядно перепарился, отпиваясь потом от жары хмельным медом, и в итоге устал так, что на церковную службу просыпаться не стал, да и утро в постели провел в одиночестве.

Богатый именитый боярин с юных лет был избалован женским вниманием, никогда не зная отказа ни со стороны московских красавиц излишне свободных нравов, ни уж тем более от дворовых девок. Наигрался, налюбился, наразвлекся, пресытился... Прошедшие через его постель женщины уже давно казались Федору Никитичу на одно лицо: старательные, послушные, заискивающие, всегда стремящиеся угодить и с надеждой заглядывающие в глаза. Одинаковые, словно куклы, и такие же безвольные – делай с ними, что токмо пожелаешь, получай свое удовольствие!

Только одна девка из всей этой череды отложилась у боярина в памяти. Та, что исхитрилась в единый вечер и отказать – ему, царскому брату! – и пожалеть, и одарить своей сладостью. Задержалась на пиру, повеселилась со всеми, приласкала хозяина дома... И с легкостью исчезла, даже не попытавшись зацепиться в богатом доме возле знатного хозяина. Федор Никитич хорошо запомнил, как она хохотала с княжной Еленой и как отважно сражалась за место «царя горы», как крутилась на крутой ледянке. Развлекалась сама для себя, от всей души, ничуть не заботясь о том, каковое впечатление произведет на хозяина. Не оглядываясь на него,

не красуясь, даже не задумываясь о его мнении. И лаской своей одаряла Федора точно так же – с полной душевной щедростью, безо всяких задних соображений. Не стараясь для мужчины, а сама получая желанное, искренне наслаждаясь постельной сладостью. Настоящая девка оказалась, живая и беззаботная, с крепким веселым характером. Глубокую памятную зарубку на душе оставила.

Была – и нету. Федор Никитич сам же ее и отпустил, привыкнув легко расставаться со случайными знакомыми. Теперь вместо живой девахи остался он опять со своими куклами да с выбоиной на сердце. И что теперь со всем этим делать, московский боярин ныне не представлял. Первый раз случилось подобное у мужчины за всю его тридцатипятилетнюю жизнь.

С такими грустными мыслями хозяин подворья завернулся в мягкий индийский халат, пухлый и шерстяной, но подбитый изнутри синим шелком, а снаружи крытый шелком светло-голубым, расписанным танцующими цаплями, вышел в горницу перед опочивальней, открыл дверцу затопленной печи и уселся в кресло напротив, подставив ноги веющему от живого пламени теплу и свету. Взял со стола кувшин, наполнил кубок темным немецким вином. Судя по запаху – рейнским, виноградным.

Боярский сын Федор Никитич предпочитал вина ароматные, и потому дворня покупала для него напитки, заполняющие запахом всю комнату, стоило выбить пробку в бочонке. Что до вкуса, то тут боярин любил разнообразие. Хотя сладкие и терпкие, густые настойки ему нравились, понятно, куда больше всякого рода кисля-

тины.

Послышался стук, приоткрылась дверь:

– Дозволь на миг малый от дел отвлечь, боярин? – хрипло спросили снаружи.

– Кто там еще, чего надобно?

– Да вот, девка какая-то к тебе просится, Федор Никитич, – ступил на ковер горницы молодой холоп. – Кольцо вот передала.

Подворник подкрался еще на три шага и протянул хозяину кольцо с тремя стоящими бок о бок яхонтами...

То самое, которое несколько дней назад боярский сын подарил своей забавной гостье!

– Значит, все-таки пришла! – не смог сдержать довольной ухмылки мужчина. – Стало быть, захотела-таки у меня под бочком закрепиться! Все бабы одинаковы, только одно у них на уме!

– Прощения прошу, боярин, не расслышал, – виновато поклонился юный слуга.

– Чего хрипишь? Больной, что ли? На вот, вина выпей. Может, полегчает! – Федор Никитич сунул кубок холопу, выпрямился во весь рост, разглядывая кольцо и размышляя, как лучше встретить нежданную гостью. Дабы и себя хорошо показать, и место чтобы для любой беседы удобным оказалось.

– Благодарствую, боярин. – Облизнувшись, холоп отнес кубок на стол.

– Понравилось? Еще налей, – разрешил от хорошего настроения Федор Никитич и задумчиво распорядился: – Ты, пожалуй, в библиотеку девицу сию проводи. Со всем уважением, но без спешки! А как войдет, у двери останься и никого не впускай. Все понял? Тогда ступай!

Паренек торопливо допил сказочно вкусное – не для простых смертных – заморское вино и выбежал из горницы.

– Пришла! – снова ухмыльнулся боярский сын Захарьин и вышел следом, поманил подметающую коридор девку: – Аглая, давай бегом к ключнику! Вели в библиотеке на столик кувшин вина фряжского и пару мисок со сладостями и курагой поставить! Но чтобы быстро, одна нога здесь, другая там!

Федор Никитич бегло осмотрел себя, огладил драгоценный халат ладонями, провел пальцами по лицу и решил, что выглядит вполне удачно. И солидно, и по-домашнему. Посему он просто накрыл голову вышитой жемчугом тафьей с небесно-синим округлым яхонтом на

макушке и перешел по коридору в выстеленную персидскими коврами, обитую цветастой татарской кошмой комнату с расписным потолком, от стены до стены усыпанную бесчисленными атласными, шелковыми и просто полотняными, с набитым рисунком, подушками.

Библиотека царского брата выглядела так, как и полагалось прибежищу человеческой мудрости: с арабской утварью, арабским диваном, с теплым полом, подогреваемым идущими от печи воздуховодами, и даже с двумя серебряными кальянами – каковыми, впрочем, хозяин дома никогда не пользовался. Не пристрастился как-то боярский сын вонючий гашишный дым нюхать!

Собрание книг у Федора Никитича было самым лучшим и богатым в столице. В сундуках хранилось не меньше полусотни книг, половину из которых составляли, конечно же, молитвенники, псалтыри, шестодневы и часословы, частью подаренные обителями и священниками в благодарность за богатые вклады, частью купленные самолично во время паломнических путешествий в составе царской свиты. Сверх того тут имелись, само собой, знаменитые «Гурганский зидж», «Развлечение в странствии», «Известия времени», «386 глав об астрологии» и многие другие труды арабских ученых, в том числе отпечатанный схизматиками в далеком Риме «Китаб ал-Бустан»⁵, подаренный царскому брату иноземным купцом Джеромом Горсеем в благодарность за предоставленный его коммерции заем. Были здесь и «Путешествие за три моря», и «Хождение к рахманам», и «Сказание о Дракуле», и «Казанская история», и «Мудрость Менандера», и толстенная полупудовая «Пчела»⁶ царского печатного двора в кожаном переплете да с золотым тиснением. Имелись у Федора Никитича и «Степенная книга», и «Домострой», и «Макам»⁷ аль-Харири, и стихи аль-Муллаваха, Абу Нуваса, Абу-аль-Хатасия...

Пока слуги суетились, расставляя блюда и кубки, хозяин дома самолично поднял крышки всех трех сундуков, открывая свету свои сокровища, и надолго задумался, выбирая самую удачную в случившихся обстоятельствах книгу. Наконец решившись, боярин поднял «Азбуковник»⁸, махнул рукой на дворню, отсылая прочь, слегка сбил подушки в грудь и опустился на них, открыв книгу примерно посередине.

В это самое время слегка захмелевший привратник, все еще облизываясь после двух кубков хозяйского вина, почтительно поклонился Ксении и указал рукой на каменную лестницу:

– Федор Никитич ждет тебя, юная лебедушка! Приказал проводить самолично со всею заботой. Дозволь под локоток подержать. Бо лестница заледенела, скользкая. Кабы не скачаться.

Холоп крепко взял гостью за руку и двинулся наверх – очень медленно, ощупывая ногою каждую ступеньку и продвигаясь вперед с непостижимой осторожностью. Добравшись таким образом до верхней площадки, он и вовсе остановился, указал пальцем наверх:

– Ты видишь сей образ, над дверьми, боярыня? Сие есть икона Николая Чудотворца из старого дома Захарьиных, каковую они с собой в новое жилище перенесли. Ее еще Роман Юрьевич водрузил, отец царицы Анастасии, общий дедушка для государя нашего и хозяина моего Федора Никитича! Ему и токмо ему о благополучии дома нашего молиться надобно, о крепости всего корня Романовского! – Паренек несколько раз широко перекрестился, что-то забормотал. Ксения, опустив голову и тоже осенив себя знамением, вынужденно присоединилась к его молитве.

⁵ Астрономический справочник.

⁶ Русская художественная литература XV–XVI вв.

⁷ Оно же – «Собрание плутовских новел».

⁸ «Азбуковник» – энциклопедия. Можно бы добавить: смешная и наивная – однако кто знает, что станут говорить лет через 500 про современные справочники?

Наконец слуга утомился, вздохнул, открыл дверь, пропустил женщину вперед, но тут же прихватил за локоть:

– Дозволь поддержку, красавица! Боярин в библиотеке ныне находится, дозволь путь укажу! Осторожнее, ступеньки здесь крутые. Как бы не оступиться, не зашибиться.

Скорее отбиваясь от холопа, нежели получая его помощь, Ксения наконец-то добралась до нужной комнаты и сама торопливо открыла дверь.

Федор Никитич находился здесь, завернутый в яркий, красочный халат. Он лежал у стены среди подушек, с интересом что-то читая, и даже появление гостыи не заставило его сразу оторваться от книги.

Женщина поняла, что оказалась права: для знатного человека она была развлечением на один раз. Поиграл и забыл, более не надобна. Но ничего другого Ксения, в общем-то, и не ожидала. Просто дала лишнюю волю наивной мечте... Но кто знает, может, хотя бы Гришке повезет?

И просительница склонилась в низком поклоне:

– Прости, что от дел важных отвлекаю, боярин.

Федор Никитич, выждав малый промежуток, поднял голову, приветливо улыбнулся:

– Ксения! Рад видеть тебя, милая!

Он увидел, как гостыя холодно и даже чуть отчужденно поклонилась, немного напрягся от неожиданного поведения женщины, повел рукой:

– Что же ты в дверях стоишь, Ксения? Проходи, присаживайся! Иногда из сих томов научных изумительные вещи узнаешь! Ты знаешь, как кукушки отправляются в дальние края? Крылышки у них слабые и короткие, посему сами они много летать не способны. Так сии пичуги коршунам могучим на спины садятся и на них путешествуют! И, кстати, ученые мудрецы выяснили, что именно из их слюны рождаются цикады.

Боярский сын желал поразить женщину своей ученостью – и ему это удалось.

«Кукушки с цикадами Федору Никитичу интереснее меня, – подумала гостыя, делая несколько шагов вперед. – Садиться? Куда?! Он просто насмехается! Зря пришла, зря... Надобно отказ поскорее получить и уходить!»

– Просьба у меня к тебе, Федор Никитич, – стараясь не смотреть на своего сказочного витязя, выпалила Ксения. – Коли уж судьба нас свела, не сделаешь ли дело доброе, не поможешь ли в судьбе юному сироте? Есть знакомый у меня, Гришей нареченный, из рода боярских детей Отрепьевых. Умен, грамотен, почерком красивым одарен. Вот бы его писарем на место хорошее пристроить.

– О воздыхателе заботишься, лебедушка? – попытался пошутить хозяин дома.

– О брате... – кратко поправила женщина.

Мужчина с удивлением начал понимать, что никакого желания его соблазнить, очаровать, заполучить в свои объятия гостыя отнюдь не испытывает. Вела она себя сухо, говорила как бы через силу, глаза отводила в сторону. Казалось, ее затолкали сюда вопреки желанию, и общество царского брата женщину совсем не радует.

А он-то уже на сладенькое настроиться успел...

– Хорошо, – дабы разом избавиться от скучного вопроса, ответил Федор Никитич. – Будет место твоему брату. Пусть приходит да Третьяка Уховерта спросит. То приказчик мой, я упрежу.

«Хоть Гришке повезло», – с облегчением вздохнула Ксения и невольно облизнула губы. На миг затаила дыхание, ожидая от пахнущего смолистым дымком мужчины еще хоть слова, намека, хоть полунамека...

Но тот молчал. Даже не приподнялся.

Значит, все. К просьбе своей худародной игрушки боярин снизошел, исполнил. Теперь пора и честь знать. Не отнимать более у знатного человека его драгоценного времени.

– Благодарствую, Федор Никитич, – поклонилась гостья и зашелестела к выходу.

«Она ведь так и уйдет! – остро екнуло в душе мужчины. – Она и вправду приходила лишь за брата похлопотать! И не нужен я ей более никак, не будет никаких соблазнов, даже не взглянула ни разу!»

Это было и обидно, и неожиданно. Вообще непостижимо! Женщина, которую он уже считал бесповоротно своей – уходила с легкостью и простотой! Безмятежно, даже не оглядываясь!

И когда Ксения уже положила руку на створку двери, мужчина не выдержал:

– Стой!

– Да, Федор Никитич? – полуобернулась женщина.

– Раз уж так получилось, что ты пришла, – как мог серьезнее сказал хозяин дома, – то, будучи лекарем твоим... Я должен осмотреть твои раны.

Щеки женщины стремительно порозовели, шало блеснули глаза, и она ответила уже совсем другим, теплым и нежным голосом:

– Да нужно ли сие, боярин?

Воспоминание о полученном лечении и вправду прокатилось по телу Ксении горячей волной, вызвав предательскую слабость в руках и ногах, а платье внезапно стало невероятно тесным в ребрах. До треска нитей на швах!

– Таков мой долг! – Захлопнув «Азбуковник», боярский сын отбросил книгу. – Раз уж взялся, надобно доводить лечение до конца.

Случившиеся в гостье перемены не остались для него незамеченными, и потому на душе мужчины сразу стало легко и весело, и память их первой встречи тоже разгорячила его кровь.

– Да отпусти же ты дверь, Ксюша! – улыбнулся он. – Напомни, сделай милость, какие места мне пришлось исцелять первыми? С коленом вроде бы некая неприятность случилась?

Полулежащему боярину оказалось легко и просто приподнять подол платья, и женщина ощутила, как мягкие горячие пальцы скользнули по ее обнаженной щиколотке вверх, прикоснулись к ямочке под коленкой, каким-то образом обняли ее, с обжигающим своевољством стали подниматься выше и выше...

Ксения испуганно охнула, сглотнула, часто задышала, хлопая ладонями по ткани. Однако надетые ради зимнего холода пять юбок сыграли с женщиной злую шутку. Сейчас они превратились в толстенную броню, через которую она никак не могла пробиться, защититься, остановить наступление мужчины. Женщина оказалась полностью во власти сильных рук хозяина усадьбы и ничего не могла с этим поделать! Хотя, говоря по совести, не очень-то и старалась...

Сладкая нега закружила Ксению и убаюкала, заставила стонать и утопать в нежных горячих волнах, повела через вершины наслаждения, чтобы бросить в пучину страстного до болезненности желания, каковое вознаградилось огненным утолением...

И где-то через полчаса, когда судорожная истома отпустила женщину, она поняла, что лежит, полузакопанная в подушки, странно изогнутая, да еще и вниз головой. Ксения громко фыркнула и засмеялась.

– Не получится из тебя лекаря, Федор Никитич, – выбираясь на свободу, сказала она. – Как ни старайся, но целитель из тебя никакой!

– Это почему, моя лебедушка? – отозвался с середины комнаты боярин.

– Кровоподтеки главные у меня были где? Под грудью, на ребрах! А ты какое место столько времени лечил?

– Это был предварительный осмотр! – Федор Никитич внезапно оказался совсем рядом, крепко поцеловал ее в губы и помог подняться. – Не все сразу.

– Хорошо, поверю твоему опыту. – Ксения споткнулась и повисла на шее мужчины. Снова засмеялась: – Ты точно сделал что-то не то, горе-целитель! Меня теперь ноги совершенно не держат!

– Здесь они тебе все равно незначат. – Боярин подхватил гостью на руки, отнес к окну, положил возле низкого столика с угощением, наполнил кубки: – Один из величайших лекарей нашего мира, премудрый Омар Хайям, учил нас, что хорошее вино способствует кроветворению и укреплению рассудка. Так что давай выпьем за здоровье, прежде чем продолжим твоё исцеление!

Кем был этот великий Омар Хайям, Ксения знала прекрасно. Но поправлять вдохновенного собеседника не стала.

– Ты, моя ладушка, получается, из рода Отрепьевых выходишь? – спросил хозяин дома.

– По матери Отрепьева, по отцу Шестова, – не стала скрывать худородства женщина. – Гришка мне не родной брат, двоюродный.

– Я помню, – кивнул Федор Никитич. – Место писаря.

– Он правда толковый! Умный, старательный. Преданный.

– Мы станем говорить о писаре?

– Лучше обо мне, – полушепотом предложила Ксения и провела пальцем по краю кубка.

Федор Никитич наполнил золотую чашу вином, женщина сделала пару больших, жадных глотков. И вдруг спросила – очень тихо, словно боялась, что её услышат:

– Поведай великую тайну, о достославный знаток арабской мудрости, что меня ждет впереди, хрупкую игрушку всемогущих богов?

– *«Красавицы уничтожают поклонников своих. О, если бы они умели страдать от мук живых! Их кудри словно скорпионы, что больно жалят нас, и нет от них противоядия, мы гибнем в тяжкий час. Но, впрочем, есть спасение: красавицу обнять, поцеловать ее, желая приласкать опять. Ту, у которой грудь и плечи прекрасней жемчугов, белей слоновой кости и девственных снегов!»* – ответил словами аль-Мулавваха боярский сын Захарьин. – В тебе все счастье и все тайны мироздания, моя прекрасная Ксения!

– Странная штука медицина, – удивилась женщина и допила вино. – Хоть ушибы, хоть яды, хоть укусы, все всегда лечится одним и тем же: «обнять, поцеловать, грудь и плечи приласкать».

– А разве не помогает? – вкрадчиво спросил хозяин дома. – Как полагаешь?

Он приблизился и стал целовать ее шею, подбородок, кожу под ухом.

– Я не уверена, – слабо улыбнулась женщина. – Нужно проверить.

Тем временем пальцы мужчины уже расстегивали крючки ее сарафана...

Поздним утром следующего дня Федор Никитич отправился в Кремль, на царский обед. Великая честь! Честь, утомительная для боярского сына Захарьина и совершенно недопустимая боярской дочери Ксении Шестовой.

Оставшись одна в роскошной опочивальне знатнейшего из боярских детей, утонув в нежной перине между двух спрятанных в шелковые наволочки подушек, женщина с грустью ответила себе на вопрос, от которого ввечеру уклонился ее знатный витязь:

– *«Я понял, что моя любовь ведет меня туда, где нет ни близких, ни родных, где мне грозит беда. Любви я предан целиком, и тело и душа. Кто прежде так любил, как я? Никто и никогда!»*

Во времена девичьей страсти Ксюша прочитала, наверное, тысячи стихов о любви, сотни из которых заучила наизусть. И потому с легкостью вспомнила слова все того же Кайса ибн аль-Мулавваха, на которого вчера ссылался Федор Никитич...

Да, знакомство с царским братом не сулило Ксении ничего, никакого будущего.

Худородная порченная девка влюбилась в одного из знатнейших царедворцев... Смешно. На что тут можно надеяться? Какое может случиться спасение из бездны порока? В ее судьбе все давным-давно предрешено. На ней клеймо, путь к счастью и благополучию заказан для Ксении навсегда.

Зато...

Если нет будущего – зачем особо заботиться о настоящем? И почему бы не позволить себе несколько сладких грехов с лучшим мужчиной Московского царства? Просто немного любви – без глупых и наивных надежд.

В одиночестве заплетя косу и быстро одевшись, Ксения тихо покинула захарьинские хоромы, стараясь не привлекать внимание хлопочущей по хозяйству дворни. Она не собиралась докучать Федору Никитичу излишней назойливостью. Получила свой глоток наслаждения – надобно и честь знать. К тому же женщине требовалось предупредить Гришку о новом месте службы, показаться на глаза отцу с матерью, да еще придумать новую отговорку о своем отсутствии – на случай, коли ее исчезновение заметили. Поэтому Ксения не увидела, как вернувшийся с царского обеда Федор Никитич, войдя в свою опочивальню, сплюнул и разочарованно развел руками:

– Ну вот, сбежала. И даже не попрощалась, шальная девка!

23 февраля 1590 года

Москва, Арбат

Ксения вернулась с торга, неся полную корзинку чернослива, среди которого притулился небольшой кулек соли. Тяжело шагающая позади дворовая девка обнимала внушительный мешок «сарацинской каши», как прозвали на Руси белоснежный рис, привозимый купцами из далеких южных земель, и помочь хозяйке никак не могла. Все остальное, надобное к столу, у боярских детей Шестовых имелось свое – на леднике, в глубоком погребе и во внушительном амбаре.

Раздевшись в сенях и отнеся покупки на кухню, Ксения уже собралась было спрятаться в своей светелке, однако возле лестницы ее перехватила Мария Ивановна, одетая в выходной, белый с бисерной вышивкой сарафан и повязанная красно-синим вологодским платком. Хозяйка дома многозначительно улыбнулась:

– Загляни-ка в горницу, доченька, не поленись.

С подозрением посмотрев на матушку, боярская дочь свернула налево, открыла дверь в трапезную. Там, за накрытым столом Иван Васильевич, наряженный в лазоревую атласную косоворотку и душегрейку, беседовал с каким-то русоволосым священником.

«Нечто и вправду постричь решили?!» – обожгло страхом Ксению.

Но тут под ее ногой скрипнула половица, гость обернулся, пригладив тонкую, узкую и длинную рыжую бородку, и испуг женщины мгновенно сменился радостью:

– Батюшка Пафнутий! – в искреннем порыве метнулась вперед боярская дочка и крепко обняла святого отца.

Инок маленького и небогатого Павло-Обнорского монастыря оказался единственным человеком, который назвал случившуюся в юности с Ксенией беду не позором, блудом и тупоумием, а испытанием. Тяжким крестом, дарованным Господом юной девице, проверкой ее веры. Именно он убедил малолетку, от безмерного срама готовую наложить на себя руки, что сие станет грехом куда более тяжким, нежели утрата невинности. Что жизнь есть величайший дар Всевышнего, дарованная Им искра, часть Божьей души, и погасить ее собственными руками – грех страшнейший и непростительный. Даже блудниц, обретших истинную веру, впускают в рай небесный. Самоубийц же – никогда!

Так нестарый еще насельник и отмолил, считай, Ксению от смерти и отчаяния, на долгое время став для девицы ближе отца с матерью и заменив всех подружек. С ним несчастная делилась желаниями и чаяниями, ему каялась в проступках и помыслах, в его плечо плакалась о своей доле. Его жалостью и защитой самую тяжкую свою годину и пережила.

После первого порыва женщина спохватилась, отступила и поклонилась. Монах осенил ее крестом, протянул руку. Ксения поцеловала теплое белое запястье, после чего все вернулись

к скромно накрытому столу: щучье заливное, копченая белорыбица, соленые грибы и огурцы да моченые яблоки.

– Какими судьбами в наших краях, святой отец? – спросила Ксения гостя.

– По делам обители, чадо, – степенно положил себе на ломоть хлеба дрожащий кусочек заливного инок. – Тяжко ныне монастырю нашему. Приход небольшой, доходов мало, расходы же растут. Государь наш, премудрый Федор Иванович, да продлит Господь его годы, налогами обители святые обложил да многие земли церковные в казну отписал. Войн, слава богу, на Руси святой ныне нет и не ожидается. Вклады же, известное дело, бояре несут либо с добычи богатой, либо по убиенным на помин души. Радуются люди православные нынешнему благополучию, и сие славно. Вот токмо о молитвах забывать стали и о храмах господних, что не есть хорошо. Ныне меня братия в столицу послала, бояр костромских, сюда перебравшихся, навестить да о краях отчих напомнить. Коли миряне дарами нас поддержат, то за их благополучие мы со всей искренностью небеса молить станем. У вас же крова и куска хлеба для себя хочу попросить.

– Конечно же, отец Пафнутий, оставайся! – радостно воскликнула женщина.

Отец громко кашлянул.

Ксения спохватилась, опустила голову, уставившись глазами в край стола.

– Со всей радостью примем тебя в доме своем, отец Пафнутий, – степенно, как надлежит хозяину, ответил Иван Васильевич. – Преломить с тобою кусок хлеба есть честь для нас, слуга Божий. И всем, чем в силах, мы обитель Павло-Обнорскую поддержим!

– За милость такую стану молить Господа нашего Иисуса Христа о благополучии сего дома, – поклонился боярскому сыну монах.

Трапеза продолжилась, закончившись общей молитвой в красном углу перед домовыми иконами.

– Я бы хотела исповедаться тебе, отче, – после домовой службы попросила милости Ксения.

– Приму с отрадой, мое возлюбленное чадо, – согласно кивнул монах. – Потребность сия душевная сама за себя о чистоте души твоей сказывает. Проводи меня до кельи моей, там и расскажешь.

– Грешна я, отче, ох как грешна, – покачала головой женщина, когда они с Пафнутием вошли в хорошо натопленную светелку под самой кровлей. – Прямо не знаю, как о сем и говорить.

– Тверда ли ты в вере своей, дочь моя? – спросил в ответ инок.

– Да, конечно, отче, – широко перекрестилась Ксения.

– Сие есть самое главное, – спокойно ответил Пафнутий. – В твердой вере нашей сила людей православных, и токмо отступление от нее большой бедой счесть можно. Все прочие прегрешения есть простительные ошибки, каковые и искупить несложно.

– Слаба я оказалась перед плотским искушением, отче.

– Как твой духовник я ведаю, что половина вины за сии проступки лежит на смертном, что по диаволу наущению тебя в искус блудный ввел и лишил судьбы обычной, человеческой. За то гореть ему в аду. Тебе же назначаю три недели «Отче наш» еженощно читать и покров для иконы Богоматери красивый вышить.

– А я уже вышила! – обрадовалась Ксения.

– Однако же от епитимьи наложенной, чадо, тебя сие не освобождает! – сурово ответил чернец.

– Я передам вышитый оклад в дар Павло-Обнорской обители, – немедленно решила Ксения. – Сама же сотворю другой!

– Волею Господа нашего Иисуса, принявшего на себя все грехи наши и смертью своею их искупившего, прощаю тебе, раба Божия Ксения, все твои прегрешения, – перекрестил женщину Пафнутий. – Ступай себе с миром и живи по совести.

После отпущения грехов Ксения с легким сердцем вернулась к себе, полная уверенности, что больше уже никогда и ни за что не отступится от праведной, правильной жизни.

Отец Пафнутий прожил на подворье Шестова полных две недели, каждый день отправляясь то к одним, то к другим прихожанам. И все эти дни Ксения проводила рассветы и вечера в молитвах, а дни – за вышивкой, либо помогая матушке по хозяйству.

Это было тяжело, ибо в памяти постоянно всплывали яркие, пронзительные глаза царского брата, его голос и задорный смех, тело еще помнило его ласки, лоно томилось сладким желанием. А демон-искуситель нашептывал о том, что вот он – хороший повод снова постучаться в заветные ворота, снова войти в жаркую опочивальню и утонуть в страстных объятиях. Ведь сделает она сие не для себя, а для Христовой обители, вымолив для нее хоть какие-то послабления, да для своего духовника, попросив для него какого-нибудь возвышения!

Однако присутствие инока придавало женщине стойкости. Сдаться соблазнам в присутствии отца Пафнутия, верного и преданного слуги Господа, Ксения никак не могла!

Однако настал день, когда их гость, уходя из дома к очередной осевшей в столице костромской семье, попросил Марию Ивановну затопить баню, дабы ввечеру, перед дальней дорогой, попариться.

Ксения услышала, как матушка по сему поводу распорядилась... И сама не поняла, как так вышло, но вскорости, чисто одетая, она уже спешила в сторону Кремля. Обогнув его по крепкому еще льду Москва-реки, поднялась по Васильевскому спуску к Варварке, повернула направо и без задержки постучала кулаком в ворота.

Открылось окошко, в него выглянул молоденький холоп, запомнившийся хрипотой. Узнавая гостью, он кивнул, отворил калитку и указал в глубину двора:

– Федор Никитич с гостями там балует.

За долгую зиму убираемый со двора снег вырос в самом центре подворья в огромную, высотой в два человеческих роста гору с накатанными до ледяного глянца склонами. Что находилось в сем месте – может, грядки какие, прудик али еще что-то, зимой бесполезное, Ксения не знала, как не знала и того, поливали гору водой али она сама собою так утрамбовалась со временем. Но холм казался совершенно ледяным! Именно на нем десяток разгоряченных – даже шубы поскидывали – бояр и шесть женщин и играли в «царя горы». По простым, неизменным в веках правилам: кто наверху условленный срок просидит – тот и победил.

Сейчас на горе обосновался какой-то молодой боярин, розовый с лица, как молочный поросенок, белозубый и густобровый, уже оставшийся без шапки и одного сапога, однако успешно отбивающий все атаки сотоварищей. Ведь достаточно было одного толчка – и по скользкому склону почти добравшийся до него противник соскальзывал с такой стремительностью, что останавливался лишь у стены дальнего амбара.

– Смотрите, кто пришел! – помахала рукой гостье запыхавшаяся княжна Елена. – Ну-ка, Ксюша, покажи этому зазнайке, кто у нас тут главный!

Боярская дочь Шестова, заражаясь всеобщим весельем, рассмеялась, крепко прихватила подол охабня и юбки под ним, приподняла, хорошенько разбежалась от самого крыльца, с разгону взметнулась почти до половины горы, тут же зацепилась кончиками пальцев за малые выбоинки на склоне, памятные еще с прошлой игры, во время самой первой встречи с любимым. Помогая себе ногами, стала медленно подниматься выше, отвоевывая вершок за вершком...

– Ку-уда-а?! – Паренек наверху попытался пихнуть ее босой ногой в плечо – и это стало его роковой ошибкой. Ксения бросила свои выемки, цепко ухватила его за штанину и что есть силы рванулась вверх и чуть в сторону, чтобы не сбили.

Низверженный «царь горы» с визгом полетел вниз по склону, кружась «звездочкой» с раскинутыми руками и ногами, сбил на своем пути князя Василия Шуйского и еще какого-то боярина и только после этого остановился, поднялся. Обиженно фыркнул и поскакал на одной ноге за потерянным сапогом. А боярская дочь Шестова продолжила свой медленный подъем.

– Держи ее, держи! Заберется! – Мужчины и женщины с новой бодростью ринулись на штурм, и когда Ксении до заветной вершины оставалось всего ничего, кто-то успел дотянуться до ее войлочного сапожка и дернуть вниз.

С криком возмущения женщина соскользнула по ледяной корке, в порыве мстительности пнув доставшего ее паренька пяткой и тоже столкнув, а по пути на землю прихватила с собой еще какого-то рыжебородого толстяка. Вскочила на ноги, снова ринулась вверх. Княжна Елена, не в силах из-за пышных юбок подняться даже на полсажени, вдруг проявила дружескую поддержку, и когда Ксения пробиралась мимо, подтолкнула ее рукой под ступню. Помощь оказалась совсем малой, но много ли нужно на скользком-то склоне? Боярская дочь толкнула кого-то в сторону, ухватила за штанину князя Шуйского и низвергла с высоты на двор, зацепилась за одну выемку, другую, вонзила ногти в какую-то трещинку, засемила ногами – и оказалась наверху!

– Знай наших!!! – вскинула кулаки княжна Елена.

Ксения тоже издала восторженный крик и прочно уселась на вершине. Теперь ей оставалось только сталкивать всех, кто подбирался к макушке ледяного холма, обратно вниз. Однако делать сие было совсем не так просто, как казалось. Ведь стоит зазеваться хоть на миг, позволить наступающим врагам ухватить руку, ногу или край подола – и все. Царь летит вниз с такой стремительностью, что только ветер в ушах свистит. Чем выше забрался – тем дальше скатываться. Поэтому никто и никогда на макушке горы долго не задерживается.

Однако гостье повезло. После того, как она отбилась от нескольких бояр, от крыльца прибежал холоп и поклонился хозяину дома:

– Стол накрыт, Федор Никитич.

– Пора пировать, побратимы! – хлопнул в ладони боярский сын Захарын.

– У нас есть царь горы, други мои! – расхохотался князь Шуйский. – Теперь наш победитель должен избрать себе царицу! Ну, или царя. Спускайся сюда, прекрасная Ксения, мы ждем твоей воли!

Княжна Елена резко повернула к нему голову, вопросительно вскинула брови.

– Почти столь же красивая, как ты! – торопливо уточнил Василий Иванович.

Женщина чуть растянула губы в улыбке и согласно опустила веки, прощая невоздержанного на язык мужчину.

– У-у-у-ух!!! – скатилась с горки Ксения.

– Наша царица, царица, царица! – почтительно склонились бояре и боярыни. И хотя все это было всего лишь шуткой, игрой, боярской дочери подобное поклонение все равно показалось приятным. Словно маслом тепленьким по сердцу провели.

– Выбирай суженого! – снова предложил князь Шуйский.

Ксения в задумчивости пошла мимо развернувших плечи, красующихся гостей: молодых и не очень, тощих и упитанных, бородатых и гололицых, высоких и не особо, но одинаково сверкающих золотым шитьем, самоцветами ожерелий, перстнями и браслетами. И смотрелась она здесь, ако серый воробышек среди фазанов и павлинов.

Женщина надолго задержалась перед розовым паренком, низвергнутым ею с царствия, но едва тот уже расплылся в улыбке, сделала еще шаг, встав перед княжной, и взяла ее за плечи:

– Низкий тебе поклон и моя благодарность. Не сердись на меня, княжна Елена, но выберу я сегодня не тебя... – Она резко повернулась, закинула руки за шею хозяина дома и прильнула губами к пахнущим вишней устам.

– О-о, ай да царь, всем царям царь! – обрадовались бояре. – Любо Федору Никитичу! Любо!

– К столу прошу, гости дорогие! – засмеялся боярский сын Захарьин, смотря в счастливые карие глаза. Он поцеловал сперва один, потом другой, обнял гостью за плечо и повел к крыльцу.

Вскоре они уже оказались бок о бок за небольшим пиршественным столом, в центре которого лежало блюдо с зажаренным оленем, в окружении закуски из капусты, соленых грибов и маринованных огурчиков. Ксения заподозрила, что бояре вернулись с охоты, и веселились во дворе, пока стряпухи готовили добычу. Тем паче что все гости уже выглядели слегка хмельными.

– Слава другу общему нашему и побратиму Федору Никитичу! – поднял кубок розовощекий паренек, и присутствующие поднялись, дружно провозгласив: – Слава, слава, слава!

Боярская дочь тоже выпила темного терпкого вина и вместо закуски, еще раз крепко поцеловала хозяина застолья.

Гости вытянули ножи и принялись за оленя, отрезая себе крупные куски горячего мяса, накалывая и объедая прямо с клинка. Однако для Федора Никитича, сразу после начала трапезы, холопы быстро и ловко отделили голову, положили на отдельное блюдо и отнесли во главу стола, поставив перед старшим из Захарьиных. Боярин церемониальным жестом отсек небольшой кусочек мяса, положил себе в рот. Прожевал, откинулся в кресле:

– Угощайся, Василий Иванович. Чего тебе до туши бегать? Зверюга умный попался, в башке на всех мяса хватит!

Князь Шуйский благодарно кивнул, тоже отрезал себе небольшой кусок. После того, как дань местническому обычаю оказалась соблюдена, Федор Никитич жестом пригласил к трапезе Ксению, сам же полез добыче в рот. Вестимо – за языком.

– Все же тревожно мне, бояре. А ну, ладей али бурлаков в Царицыне не окажется? – громко обсуждали за столом гости. – Может, все-таки с собою взять?

– Оставь, Сретень! – сразу несколько бояр замахали руками на великовозрастного служивого с тремя косичками в русой бороде. – Завсегда они там есть! Место-то какое! И волок, и путь торговый, и город большой.

– Зима долгая. Чего им там делать половину года? Могли и уйти.

– То же, что и всегда! Бормотуху пить! – расхохотался рыжебородый толстяк на дальнем конце стола.

– Не лучшие будут работники, – внезапно согласился князь Шуйский, – после многомесячного-то запоя. Может статься, Сретень и прав? Приведем с собою отборных красавцев, крепких и нарядных. Разве сие плохо?

– Это же просто бурлаки!

Между боярами быстро завязался спор, смысл которого от гостьи ускользнул. Посему прерывать мужские разговоры она не рискнула и посвятила все внимание оленю, запивая мясо вином и время от времени добавляя на сочащиеся жиром горячие ломти ядреную душистую горчицу.

День у охотников выдался явственно долгий, хмельных напитков добры молодцы вкусили немало, и потому настало время, когда гости начали «улавать». Кто-то просто упирался лбом в стол, кто-то находил в себе силы отойти в сторону и прилечь на лавку. Спор начал затихать, и Василий Иванович неожиданно поднялся:

– Благодарствую тебя, друже, за прием и за угощение, однако надобно все же нам с хозяйшкой на свое подворье.хлопот сильно много, опасаясь не успеть.

Федор Никитич тоже поднялся, бояре обнялись, вместе направились из трапезной к сеням. Ксения поспешила следом, выскочила на крыльцо и застала, как хозяин и гость на двоих осушили принесенную слугой «запорожскую» чашу.

До «стременной», по счастью, дело не дошло – князя и его спутницу внизу поджидали обитые бархатом расписные сани.

– Не проголодался ли ты, Федор Никитич? – проникновенно спросила Ксения, когда ее витязь наконец-то остался один. – Желаеть попить, покушать или что-нибудь еще?

– Это ты о чем? – не сообразил сразу боярский сын Захарьин.

– В трапезную возвращаться станем? – Женщина забросила руки ему за шею.

Хозяин дома подумал и отрицательно покачал головой.

Спустя час, когда темный омут сладострастия наконец-то выпустил мужчину и женщину из своих объятий, Федор Никитич лег на бок, подпер щеку одной рукой, пальцами другой осторожно провел по виску своей гостьи, через губы по подбородку, по шее, по ямочке под ней, а когда коснулся заострившегося соска, спросил:

– Где же ты была столько времени, Ксения Шестова?

– Скучала, – честно ответила женщина. – Чем сильнее ужас разлуки, тем слаще встреча. Каждое касание твое для меня ныне прекрасно, как песня жаворонка, как текучий мед, как огонь зари. Твой голос нежит, как песцовый мех, твой взгляд ласкает, словно беличья кисть, твое дыхание обжигает пламенем, а поцелуи лишают рассудка. Твои уста даруют высшее блаженство, недоступное даже молитве. Ты мой бог, прекрасный витязь, красивый и всемогущий...

Договорить она не смогла, ибо губы любимого запечатали ей рот, а его руки скользнули туда, где рождается страсть и огонь...

Вторая любовная схватка совершенно лишила царского брата сил. Проведя свою гостью через вершины наслаждения, он опустил веки, набираясь сил, и вскоре мерно и глубоко задышал, иногда слабо вздрагивая во сне. Ксении же не спалось. Она смотрела на своего мужчину, такого желанного и близкого, но недоступного. Далекое, как облако в синих небесах – от серой полевой мышки. Ее маленький кусочек сказки, невероятное чудо, заглянувшее в ее жизнь и на диво долго в ней задержавшееся.

Одна за другой погасли догоревшие свечи, в опочивальню пришла темнота – и только теперь женщина заметила, что слюда в окнах уже начала светлеть.

«Пафнутий! – обожгло душу Ксении испугом. – Попрощаться не успею!»

Еще ее кольнуло понимание того, что она так и не поговорила с царским братом ни о монахе, ни о его обители. Забыла разом обо всем, едва только любимого своего углядела! Но теперь уже и вовсе поздно о сем вспоминать.

Женщина торопливо оделась и выскользнула из медленно светлеющей опочивальни.

Федор Никитич проснулся лишь незадолго до полудня, перекатился с боку на бок, пошарил рукой... Приподнял голову, с недоумением глядя по сторонам. Присел на перине, огляделся еще раз внимательнее и развел руками:

– Опять удрала! Вот же шальная девка! Это что же такое получается? Пришла, повеселилась, вина выпила, мною в постели развлеклась, да и упорхнула? Я ей что, игрушка, что ли, заводная?

По уму, от осознания подобного унижения царскому брату надлежало прогневаться, отыскать крамольницу и покарать! Но на его губах блуждала лишь слабая усмешка. Его отношение к нахальной горожанке напоминало сейчас чувство табунщика, смотрящего на норовистого, буйного, своенравного необъезженного жеребца. Как можно гневаться на неукротимость дикаря? Уж лучше своенравная кобылка, нежели унылый мерин! Тем паче, что как раз

из самых норовистых лошадей после укрощения самые преданные и любящие скакуны получают. Осталось за малым – укротить!

Боярин откинулся обратно в постель, закинул руки за голову. Задумался. Спустя некоторое время недоуменно почесал мочку уха... В его желании обнаружилась одна странная заковыка.

Федор Никитич отлично знал, как обращаться с женщинами. Чтобы добиться своего, требовалось поразить жертву знатностью, восхитить подарками, развеселить охотой, закружить вином... Несколько дней внимания – и любая баба уже лежит в твоей постели. Однако же Ксения с легкостью отдалась его объятиям в первую же встречу!

Но если она уже его... Получалось, сейчас он со всей страстностью желал получить от нее что-то другое? Если не постель, в которой они уже успели провести множество сладких схваток, тогда что?!

Странное, незнакомое, непривычное чувство тревожило душу немолодого повесы, требуя отчаянно бороться за нечто томительное и неведомое. Нечто такое, одарить чем могла только одна-единственная смешливая нахальная горожанка на всем белом свете...

– Похоже, пока что как раз она меня укрощает и объезжает, а не я ее, – пробормотал Федор Никитич. – Ну да ничего. Мы еще посмотрим, чья возьмет!

Между тем сама дочь боярская Ксения Шестова ни о чем подобном даже не задумывалась. Аккурат в эти самые мгновения она принимала благословение от уходящего с подворья монаха. Склонила голову под крестное знамение, поцеловала бледную мозолистую руку, а затем, не удержавшись, бросилась к Пафнутию и крепко его обняла.

– Не печалься так, мое возлюбленное чадо, – погладил ее по голове инок. – Бог даст, еще свидимся.

Пафнутий поцеловал ее в лоб, закинул за спину заплечный мешок с собранными пожертвованиями и, опираясь на посох из кривого и уродливого, но прочного, как железо, соснового корня, неспешно пошагал по залитому весенним солнцем Арбату в сторону восхода.

Сердце женщины сжалось от тоски, и перед нахлынувшей грустью отступила даже любовь к царскому брату. Еще немного – и она бросилась бы вслед, дабы вместе с духовником уйти в отчие костромские земли и принять там постриг в какой-нибудь тихой лесной обители, избавившись раз и навсегда от всех мирских хлопот!

– Сестра! Сестра, сестренка!!! – по улице, громко топоча, промчался разгоряченный Гришка в распахнутом кафтане, кинулся на Ксению, обнял, радостно закружил: – Меня в писари при посольстве взяли! Писарем, на место писарское, с назначением и окладом полным! Теперь я писарь, писарь! Теперича, коли покажу себя хорошо, то и продвинуться смогу, а то и на службу царскую пробьюсь! В приказ какой али в разряде записаться!

– Ничего не понимаю, – грустно улыбнулась женщина. – Объясни толком.

– Так ведь это! – торопливо заговорил паренек. – Государь братьев Захарьиных, Михаила да Федора, да князя Шуйского, боярина Салтыкова и Гончарина в Царицын посылает, посла бухарского встретить и до Москвы с должными почестями сопроводить. Я же при сем посольстве писарем отправляюсь! Ты ведь за меня хлопотала, Ксюша? Вот оно и выпало, место-то обещанное! – счастливо расхохотавшись, снова обнял сестру Отрепьев. – Почерк у меня красивый, грамоте обучен, от учения в детстве не отлынивал. Должны взять! Видел я росписи походные, их как курица лапой царапала! Я же так свитки составлять стану, ровно вязь арабскую сплету! Возьмут меня после сего на место постоянное, обязательно возьмут!

– Вот и славно, братишка, – вздохнула Ксения. – Я за тебя рада. Когда отправляешься?

– Да на днях. Обоз уже собирается.

– Когда вернешься?

– Я так мыслю, до середины июня должны обернуться.

– Ого... – сглотнула женщина.

– Чего загрустила, сестренка? – широко оскалился Григорий. – Случилось чего? Ты токмо намекни, Ксюша, я за тебя любому ноги переломаяю!

– Кому, Гришка? – пожала плечами боярская дочь. – Все, кто мне по душе, одну меня оставляют, все разъезжаются. Кому надобно ноги переломать, чтобы с подобной бедой справиться?

– Да не грусти ты так, сестра! – обнял ее паренек. – Глазом моргнуть не успеешь, ан мы уже и возвратимся!

16 июня 1590 года

Москва, Арбат

Стук в дверь раздался сразу после обеда, когда Ксения еще размышляла, как лучше всего поступить в сей жаркий час – то ли прилечь поспать от сытной усталости, то ли за рукоделие садиться, обещанный покров бисером египетским вышивать?

– Кто? – коротко спросила боярская дочь.

– Не спишь, сестренка? – заглянул из-за двери Григорий и по своей извечной привычке тут же вошел в светелку, тяжело водрузил на сундук вместительный березовый туес с длинной ручкой, не без труда содрал плотно прилегающую крышку, вытянул пару закрученных в тугие рулетики темно-красных пастилок и кинул в рот. Смачно разжевал, распространяя запах малины и яблок.

Одет Отрепьев был в синюю атласную рубаху, коричневые штаны тонкого сукна, новенькие серые сапоги, и только на голове сидела вышитая матерью, старая, вытертая тафья. Глаза паренька лучились радостью, рот разошелся в довольной улыбке, пальцы бодро постукивали по коленям. В общем, он выглядел таким довольным, словно маленький ежик, нашедший огромного, аппетитного навозного червя.

Спрашивать, как его дела, не требовалось – на лбу было написано, что все просто великолепно! И потому Ксения спросила о другом:

– Это нам угощение? – кивнула боярская дочь на короб с пастилой.

– Тебе, – мотнул головой паренек. – Отцу твоему я бочонком хмельного меда поклонился, а матушке платок принес.

– С чего такая щедрость?

– Так ведь жалованье получил, сестренка! – щелкнул пальцами Отрепьев. – Правда, так вышло, что теперича я у Михаила Никитича сижу, а не у Федора. Бо у Михаила к царской службе интереса куда более оказалось, писари нужнее и продвинуться проще.

– М-м-м... Понятно... – кивнула Ксения, подходя ближе и зачерпывая из берестяного туеса сразу горсть ягодных пастилок. Одну кинула в рот, с остальными отошла к распахнутому окну.

– Угу, – поддакнул Гришка Отрепьев. – Но ты не думай, Федор Никитич не обиделся, сам же присоветовал, когда я о поручениях новых по службе спросил... – Паренек сделал небольшую заминку и быстро добавил: – А еще он тебя на охоту пригласил!

– Чего? – обернулась женщина.

– Федор Никитич сказывал, что в честь своего возвращения из дальнего путешествия он охоту с друзьями близкими затевает. Послезавтра. И просил меня передать Ксении, сестре моей двоюродной, что хотел бы увидеть ее... тебя то есть на сем веселии. Я так понимаю, это он о тебе? – Гришка быстро-быстро почесал себя пальцами в затылке и спросил: – Ты что, знакома с царским братом?

– Есть немного, – пожала плечами боярская дочь.

– Вот здорово! – ударил кулаком в воздух Гришка. – А я-то думал, откуда у тебя знакомые в свите Захарьиных? Ан ты самого главного Захарьина за жабры взяла!

– Никого я ни за что не брала! – отрицательно мотнула головой Ксения.

– Ага, как же! – расхохотался паренек. – С чего бы иначе ему тебя на охоту приглашать? Наверняка голову закружить желает и под юбку забраться!

– Вот тут ты глубоко ошибаешься, – бросила в рот еще подстилку женщина. – Как раз это ему совершенно не нужно.

– Какая же ты наивная, сестренка! – рассмеялся Отрепьев. – Да у всех мужиков токмо это одно и на уме! Совратить он тебя хочет, совратить!

– Да вот те крест, Гришка, совращать меня Федору Никитичу отнюдь ни к чему!

– И тем не менее он тебя приглашает!

Ксения задумчиво прожевала пастилку, потом еще одну. Спросила:

– И что же мне теперь делать?

– Ехать конечно же! – решительно выдохнул Отрепьев.

– Но-о... – Ксения нерешительно потерла подбородок. – Ты хоть раз на охоте бывал? Что мне для сего надобно?

Паренек посерьезнел и тоже взялся пальцами за подбородок:

– Э-э-э... Самое меньшее – так это лошадь, шатер, походная постель... Припасы... Поесть там, выпить, повеселиться. Дворня. Ну, слугой и я могу поехать. Еще бы хорошо ловчих птиц прихватить. Но их даже князья далеко не всякие имеют.

– Лошадь, палатка... – эхом повторила женщина. Тяжело вздохнула. Неуверенно произнесла: – Может, отца спросить?..

– Да ты, верно, обезумела, сестренка! – постучал кулаком себе по лбу Гришка. – На кой леший тебе там старый Иван Васильевич? Чтобы к Федору Никитичу ближе путевой версты не подпускал?

Теперь боярская дочь задумалась надолго. Затем бросила несъеденное лакомство обратно в короб и печально покачала головой:

– Я откажусь.

– Откажешься от приглашения самого Захарьина? – округлились глаза паренька. – Нет-нет, сестренка, не смей! Мы сейчас что-нибудь придумаем!

– Что ты придумаешь, братишка, что? – резко всплеснула руками Ксения. – Даже если представить на миг, как мы украдем отцовских коней и все его снаряжение, чем сие мне поможет? Я отправлюсь на княжескую охоту на упряжных меринах, с парусиновой палаткой и потником вместо постели? Буду спать с седлом под головой, завернувшись в медвежью шкуру? Ты понимаешь, Гришка, что, окромя величайшего позорища, ничего для меня из сего развлечения не выйдет? – Женщина еще чуток поколебалась и снова отрицательно покачала головой: – Я никуда не поеду.

Паренек тоже помолчал, но никаких возражений найти не смог.

– Сообщить Федору Никитичу про твой отказ? – тихо спросил он.

– Нехорошо как-то через посольных такие оскорбительные вести передавать... – Боярская дочь прижала ладони к губам. – В лицо сие сказывать надобно. Извиниться, объяснить. Ну, чтобы не обиделся. Вот токмо не знаю, кто там ныне на воротах? Меня только один холоп знает, который хриплый. Да и тот за три месяца вполне мог и запомнить.

– А-а, Хрипун, – сразу понял Отрепьев. – Так ведь то оно без разницы! Сестренка, я ныне при Захарьиных писарем состою. Запросто проведу! Меня впустят и ни о чем не спросят. А спросят – так даже врать не надо. Сестра, скажу, заглянула, только и всего.

Боярский сын Захарьин возвращался с соколятни веселый и возбужденный, уже пребывая в предвкушении предстоящей охоты. Почти полтора месяца пути на одной ладье вместе с бухарским посольством извели его душу хуже некуда. Крепкий и энергичный, Федор Никитич

томился малыми размерами богато украшенного корабля – ни тебе пройтись, ни развлечения шумного устроить. Токмо сиди на коврах с чужаками, разговоры веди да пируй непрерывно.

Вдобавок выяснилось, что Канат-бею его сарацинская вера запрещает пить вино – и всю дорогу обеим посольским свитам пришлось давиться сладким хмельным медом! Сиречь – мед для знатных путников закупался самый лучший, ставленный⁹, из холодных поволжских погребов. Однако пить одно и то же полных шесть недель!!! Тут и от лучшего из напитков взвоешь...

Однако ненавистная царская служба осталась позади – и ныне боярский сын мыслями своими витал уже среди лугов и перелесков, ручьев и болот, в седле лихого жеребца, с любимым крапчатым¹⁰ кречетом на руке. И вино он уже повелел закупить не доброе фряжское али немецкое, а французскую кислятину, дабы хорошенько отбить во рту медовую сладость.

Взгляд Федора Никитича скользнул по разбирающей походные припасы дворне, и... И вдруг он замер, словно врезавшись в каменную стену!

Медленно повернул голову и вперил взгляд в невысокую, но крепко, броско сложенную девицу с широкими бедрами, узкой талией, высокой грудью – и фигуру сию не мог скрыть даже кривоватый полотняный сарафан с простоватой вышивкой обычным катурлином, сиречь – толстой цветной ниткой. Маленький носик, гордо вскинутый подбородок, круто изогнутые брови над пронзительными карими глазами. Сатиновый платок на волосах цвета спелых каштанов.

Сердце боярского сына гулко застучало, лицо ощутило полыхнуло краской.

Знал, знал Федор Никитич, что так просто с шальной девкой его замыслы не проскочат! Что не появится на его охоте послушной лапочки – норовистая кобылка наверняка учудит чего-нибудь этакое, перевернет, переиначит, все по-своему сделает! Знал, но никак не ожидал внезапно увидеть ее у себя на дворе за день до охоты.

– Доброго тебе дня, боярин Федор Никитич, – низко, на удивление смиренно поклонилась женщина, махнув рукой едва не по самой земле.

– Рад видеть тебя, прекрасная Ксения, – приложил ладонь к груди царский брат. – Какой добрый ветер принес тебя на мой двор?

– Мудрый совет мне крайне надобен, Федор Никитич, – посетовала женщина. – Пряма не знаю, у кого и спросить? Однако же из всех людей, мне известных, ты самым мудрым и многоопытным кажешься.

– Советами делиться – это не самоцветы раздавать, – улыбнулся боярин. – Советы казну не разорят. Давай, коли так, в библиотеку пройдем. Где еще делиться мудростью, как не в сей обители знаний?

Хозяин подворья взял гостью за руку и повел к крыльцу.

Вскоре они оказались в выстеленной коврами и засыпанной подушками комнате. Федор Никитич прикрыл дверь, участливо спросил:

– Случилось что-нибудь, Ксения? Чем я могу тебе помочь?

– Беда у меня, боярин, – вздохнула гостья. – На охоту меня пригласили. Я же такой чести отродясь не достаивалась. Совсем не ведаю, каковое снаряжение для сего надобно? Какие лошади, какие слуги, какая посуда? Даже какое платье на охоте носят, и то не знаю. Вот сей сарафан, к примеру, для сего развлечения подойдет?

Она подняла руки и чуть покрутилась из стороны в сторону, демонстрируя откровенно крестьянскую одежду.

– Только не это, Ксения! – поморщился знатный боярин. – Избавься от сего тряпья как можно скорее!

⁹ Меды различались на «ставленный» и «вареный». Первый делался из меда и ягодного сока и выдерживался до самостоятельного «вызревания» несколько лет. Второй квасился на меду с водой несколько дней и являлся скорее пивом на медовой основе.

¹⁰ Белая птица с темными пятнышками на груди и крыльях.

– Как скажешь, Федор Никитич, – пожалала плечами гостья, развязала полотняную тесьму на шее, тряхнула плечами, и сарафан с легким шелестом опал на пол, оставив женщину совершенно обнаженной.

Почти обнаженной – боярская дочь указала на голову, спросила:

– А такие платки?

– Нет, – негромко ответил царский брат.

Ксения одним движением смахнула цветастую тряпицу, чуть тряхнула головой – и дивным образом волосы ее свободно рассыпались по плечам.

– Туфельки оставить можно? – спросила она про лодочки из тонкой замши.

Федор Никитич отрицательно покачал головой. Женщина обиженно сжала губы, вытянула ноги из обуви. Провела пальцами правой руки по коже левой, от плеча вниз:

– Но хоть это-то для охоты пригодно?

– Даже и не зна-а-аю-ю... – задумчиво ответил царский брат, подступил к ней вплотную, нежно коснулся ладонями плеча, потом чуть ниже, ниже, повторяя движение Ксениных пальцев, в то время как его упругая борода уже щекотала обнаженную грудь женщины, то и дело попадая на сосок. – Ай, что за кожа! Чистый бархат! Лучше никогда не встречал!

Мужчина отпустил ее руку и перенес свои поцелуи гостье на грудь, неспешно проверив качество кожи на обеих возвышениях с острыми розовыми вершинами.

– Ай, как хороши, просто шелк! – одобрил он эту часть тела. – Можно оставлять.

Царский брат опустил на колено, его губы коснулись живота, легкими прикосновениями добрались до пупка, чуть задержались, двинулись дальше...

– Ай, красота какая, ровно кость слоновая... Гордится таким надобно и хвастаться...

Мужчина продолжил неторопливо оценивать губами достоинства гостьи – а Ксения уже стиснула зубы, с трудом сдерживая стон, задрожала от напряжения и, теряя власть над телом, вцепилась пальцами в волосы своего витязя.

Федор Никитич засмеялся, распрямился, подхватив ее на руки, закружил, уронил на подушки и стал быстро стаскивать рубашку через голову.

– Ты чего собрался делать? – испуганно спросила Ксения. – У тебя глаза горят, аки у зверя!

– Сейчас узнаешь! – зарычал боярин, направляясь к ней.

Женщина в притворном страхе попятилась, пока не уперлась спиной в обитую кошмой стену. В бессилии она зажмурилась, отвернула лицо – и оказалась во власти хищника, жадно сжавшего ее в своих объятиях, вцепившегося устами в шею, в плечи, в губы. Швырнувшего на подушки, и вместе с тем – в сладкий омут сладострастия, в бездонную алую пропасть стонов и наслаждений, борьбы и нежности, взрывов безумного наслаждения, волн счастья и томного упоения...

Свет заходящего солнца, отразившись от одетого в глазурь шатра дворовой часовни, упал на обнаженное тело отдыхающей женщины, и царский брат, любуясь его переливами, провел ладонью по длинному золотистому зайчику, лежащему от левого бедра Ксении через живот и правую грудь до самого плеча. Его гостья, не открывая глаз, слабо улыбнулась.

«Она опять меня укротила... – подумал мужчина. – Пришла туда, куда не звали, и получила то, чего захотела. Не там и не так, как этого желал я, а по-своему, своею единоличной волей...»

Федор Никитич качнулся вперед, поцеловал ближний сосок, поднялся, быстро натянул порты, а всю остальную одежду – и свою, и Ксенину – сгреб в охапку. Открыл створку и вышвырнул ее за дверь!

– Ты чего делаешь, Федя?! – испуганно вскинулась женщина.

– Шкурку лягушачью сжигаю! – ехидно оскалился царский брат. – А то ведь я тебя знаю... Чуть на миг отвернешься, ан ты уже лягушонкой обернулась, в коробчонку прыгнула,

и все, устучала к себе в болотце, только пыль под калиткой закружилась! Поминай как звали! Все, Ксюша, более сия обманка у тебя не пройдет. Попалась!

Федор Никитич задорно ей подмигнул и вышел наружу.

– Сто-ой!!! – Женщина вскочила, кинулась к двери. Но отворить створку, будучи обнаженной, не рискнула. Перешла к окну, из-за летней жары широко распахнутому, выглянула наружу. Но с высоты третьего жилья не смогла разглядеть ничего, кроме зеленых крон и золотистых кровель.

Федор Никитич вскорости вернулся, ведя за руку седого морщинистого иноземца с короткой, по немецкому обычаю, бородкой клинышком и тонкими усиками, в замшевом кафтане до колен, украшенном большими накладными карманами, в деревянных туфлях и с тощими ногами, плотно обтянутыми коричневым сукном. Глаза нового гостя были закрыты плотной бархатной повязкой, что несколько успокоило женщину.

Боярский сын жестом предложил Ксении встать, подвел старика ближе.

– Она перед тобой, Джельсомино, – похлопал Федор Никитич иноземца по плечу.

– Расставь руки, боярыня, – предложил старик и вытянул из кармана желтую шелковую нить. Неуверенно нащупав женщину, он крепко ухватился за ее плечо, растянул нить от шеи до запястья, завязал узелок, потом еще один. Опустил нить вниз, сделал узлы на талии и у бедра, обернул бедра, присел и нащупал пятку. Выпрямился, спрятал свой инструмент в карман и с непринужденным нахальством взял груди боярской дочери в ладони.

Ксения в растерянности посмотрела на Федора Никитича, но тот одобрительно кивнул. Женщина прикусила губу и послушно стерпела случившуюся наглость.

Старик отступил, поклонился:

– Благодарю за терпение, боярыня.

– Платье надобно завтра к вечеру, Джельсомино. – Царский брат взял старика за локоть и повел к дверям.

– Ты не успеешь выбрать ткани, синьор, – возразил иноземец.

– Ты хороший мастер, я тебе доверяю. Выбери сам.

– Воля твоя, Федор Никитич. – И старик вышел наружу.

– И что теперь? – неуверенно спросила Ксения.

– Окно нужно закрыть, комары налетят, – ответил боярин и оставил гостью одну.

Снаружи и верно совсем уже стемнело, повеяло свежестью. Между тем зажечь стоящие в комнате свечи женщине было нечем.

Тихо ругнувшись, окно Ксения все-таки закрыла – и тут в сумраке возник ее витязь, обнял чем-то слабо шелестящим, мягким и теплым и шепнул в самое ухо:

– Пойдем...

Пробуждение боярской дочери оказалось на диво сладким и нежным, по-настоящему сказочным. Таким, ради которого можно простить любые невзгоды.

Наконец поднявшись, Федор Никитич положил рядом с женщиной крытый пурпурным шелком, стеганный халат:

– Вот твоя новая шкурка, Ксения прекрасная. Далеко в ней не убежишь, но по дому можно ходить куда токмо пожелаешь. Хоть в библиотеку, хоть сюда. Либо сейчас со мной в трапезную.

– С тобой куда угодно, мой ясный сокол!

– В таком наряде?! – весело поморщился боярин и мотнул головой. – Ни за что! Только в моих покоях!

И потому днем, когда Федор Никитич ушел распоряжаться насчет охоты, его гостья отправилась в библиотеку, выбрала себе среди сундуков «Сказ о том, как старик к царской дочери сватался» и устроилась с ним среди собранных в угол подушек.

В дверь тихонько поскреблись, потом створка медленно приоткрылась.

– Сестренка, ты здесь?

– Гришка! – вскочила Ксения. – Откуда?!

– Тс-с! – опасливо оглядываясь, протиснулся внутрь Отрепьев. – Я всего на миг, дворне сюда нельзя. В общем, когда ты вчера здесь застряла, я к тебе домой побег и матери сказал, что ты с Радонежским крестным ходом увязалась. Ну, чтобы родители не волновались. Все ведь знают, какая ты набожная! В общем, раньше, чем через неделю, тебя не хватятся.

– Спасибо, братишка! – На душе у женщины немного отлегло. Хотя бы дома все будет в порядке.

– Если что... В общем, не бойсь. Я рядом! – И паренек выскользнул наружу.

Вскоре после Гришки Отрепьева в библиотеку заглянул Федор Никитич – просто проведать, а еще через пару часов, дабы пригласить на обед. И только ближе к вечеру в «прибежище мудрости» внезапно ворвались четыре веселые юные девки в легких сарафанах с атласным верхом и юбками из домотканого полотна. Хихикая и перешучиваясь, сняли с гостя халат, подняли принесенную с собой обширную юбку, опустили на Ксению через голову, одернули, покрутили, поправили, завели руки в рукава, расправили ткань, засуетились за спиной, стягивая шнуровку, отступили и распахнули дверь:

– Она готова, боярин!

Слегка растерянная Ксения оказалась облачена в платье из прочного темно-синего вельвета в мелкий рубчик, наверху плотно облегающего тело и ласково обнимающего высокую грудь, а внизу расходящегося в пышную юбку. Причем юбку поддерживал легкий каркас, ткань не касалась ног и потому, несмотря на царящую жару, бедрам было... достаточно свежо. Плечи прикрывали вошвы из серой замши, и из нее же был сделан широкий пояс, спереди указывающий заостренным клином куда-то вниз живота.

Старый иноземец, забежав в библиотеку, засуетился вокруг женщины, что-то поправляя, что-то одергивая, озабоченно цокая языком и приговаривая:

– Ай, времени мало оказалось. Ай, тут не успел, тут не успел. Ай, еще бы хоть пару дней мне на работу, Федор Никитич...

Боярский сын Захарьин в это время стоял в дверях и пожирал свою гостью взглядом.

Женщина, чуть склонив голову, вопросительно вскинула брови.

– Разорви меня Карачун! – выдохнул царский брат. – Как же ты великолепна!

У Ксении словно сама собой распрямилась спина, развернулись плечи и гордо вскинулся изящный подбородок.

– Ну вот, – продолжил Федор Никитич. – Теперь ты одета для охоты правильно.

* * *

В полдень нового дня на берегу Яузы, неподалеку от Мытищенского волока, вырос роскошный палаточный город. Шатры здесь стояли не простые, а поражающие своей роскошью: с центральными частями на четырех-пяти шестах да с приделами и крыльями, крытые атласом и шелком, украшенные вышивкой, вымпелами и бунчуками. Траву на стоянке и вокруг слуги полностью застелили кошмой и коврами, очаги выложили булыжниками, коновязи поставили резные, привезли с десятков возков колотых и сухих березовых дров и столько же телег с прочными дубовыми бочонками, полными заморских вин и родного, русского ставленого меда.

Всадники с кречетами, соколами, ястребами на руках разъезжали по лугам и перелескам, через молодую поросль, поднявшуюся на месте недавно вырубленных лесов, вдоль реки и заросших высокими камышами вязей, их свита – лесники, сокольничие, просто друзья – разворачивалась в широкую цепь, шумела и гикала, выпугивая дичь, после чего охотник снимал с

головы крылатого хищника украшенный драгоценными камнями и золотым шитьем колпак, подбрасывал птицу в воздух, и та обрушивалась на замеченную жертву...

В первый же день знатными сокольниками оказалось добыто с полсотни уток и гусей, столько же глухарей, куропаток и рябчиков, с десятков зайцев и несколько ланей, одну из которых взял драгоценный двинский кречет боярского сына Захарьина.

Когда стемнело, охотники собрались возле костров, возлежа на медвежьих или овечьих шкурах либо покрывалах из драгоценных мехов. Они смотрели в огонь, на котором жарилась их добыча, ели мясо, пили вино и шумно обменивались впечатлениями от скачки, воздушных схваток, хвастались богатой добычей или просто хорошим днем.

Ксения отдыхала на песцовой подстилке, прижавшись к боку своего витязя, мерно поглаживающего ее плечо, крохотными глоточками пила из кубка сладкий и крепкий хмельной мед и чувствовала себя совершенно счастливой. Ей даже есть совершенно не хотелось. Она желала только того, чтобы сей вечер никогда не закончился...

Впрочем, наступившая после него ночь тоже оказалась на диво долгой и упоительной.

Соколиная охота – это не только врожденное могущество кречетов, ястребов и сапсанов, но и великое мастерство верховой езды самих охотников. Ибо нет в воздухе преград птичьему полету – однако же на земле скачущему следом всаднику приходится перемахивать ручьи и поваленные деревья, пробиваться через кустарник и топкие низины, перескакивать изгороди или во весь опор объезжать огороженные дворы или густые рощи. Вот где добрым боярам есть возможность удаль молодецкую показать, резвость скакунов да свое мастерство! Промчался версту-другую через овраги и буреломы – хвала тебе и восхищение! Вылетел из седла... Что же – свое поражение тоже надобно с достоинством принимать.

Боярская дочь Шестова, как и всякий здоровый человек, в седле держалась уверенно. Но не настолько, чтобы поспеть за лихой захарьинской свитой даже на выделенном ей резвом, как ветер, туркестанце. Скакун, вестимо, легко удержался бы даже во главе несущейся через луга и канавы кавалькады... Да только наездница при сем наверняка бы потерялась при первом же прыжке через заросли вербы или весело журчащий ручеек. Столь сильный конь шел под седлом Ксении впервые в ее жизни.

Посему Федор Никитич резво мчался с кречетом на руке, время от времени выпуская птицу в ее хищный полет, а женщина скакала от общей свиты в некотором отдалении, выбирая ровный путь и предпочитая огибать, а не перепрыгивать серьезные препятствия.

К середине дня ее витязь наконец-то заметил исчезновение своей спутницы. Разглядев одинокую всадницу вдалеке посреди ромашкового поля, боярин передал кречета сокольничему, поворотил жеребца, помчался по прямой, пробив грудь скакуна густой зеленый ивняк и перемахнув широкий овраг, и осадил коня перед боярской дочерью:

– Тебе наскучило наше баловство, прекрасная Ксения? – спросил тяжело дышащий, разгоряченный Федор Никитич.

– Нет, мой ясный сокол, я наслаждаюсь нашим приключением, – улыбнулась женщина.

– Тогда почему ты здесь, а не с нами?

– Мне нравится видеть, как ты управляешься с кречетом, боярин. Если я стану скакать вместе с вами, то не увижу толком ни тебя, ни птицу. Придется только под копыта смотреть да на дорогу.

– Может статься, ты и права, – не стал спорить веселый мужчина. – В свите порою и ноги переломать недолго. Но мне все равно неловко, что ты пребываешь в одиночестве. Может быть, тебе чего-нибудь хочется? Питья, угощения, служанок? Скажи только слово, и я исполню все!

Ксения прикусила губу, размышляя, потом улыбнулась и выдохнула:

– Принеси мне перо ворона!

– Перо ворона? – переспросил опешивший боярин. Он явно решил, что ослышался.

– Перо ворона, – подтвердила Ксения.

– Да где же я его возьму?

– Ты же охотник? Добудь!

– Да на что же оно тебе?

– Хочу! – кратко объяснила женщина. Чуть поколебалась и для большей убедительности произнесла: – Принеси мне перо ворона, Федор Никитич! И клянусь, я исполню любое твое желание! Любое, каковое токмо будет в моих силах!

Боярский сын натянул поводья с такой силой, что его жеребец поднялся на задние ноги и затоптался, стоя на дыбах. Потом резко опустил на копыта, пару раз крутанулся. И все это время мужчина не отрывал от Ксении пристального взгляда. Потом поворотил коня и помчался к заждавшейся свите, где и начал отдавать сокольничим и лесникам неслышные издали приказы, рассылать холопов из свиты в разные стороны.

Охота продолжилась, быстро смещаясь к западу, на луга и пастбища, ближе к деревням. Оно и понятно – не на болотах же ворона искать? Ворону, известное дело, роши нужны, а не камыши. А еще лучше – погост с высокой колокольней.

Ксения добилась того, чего хотела: свита Федора Никитича ушла с непролазного бездорожья на ровную землю и нахоженные тропки. Здесь боярская дочь могла скакать на своем резвом туркестанце хоть во весь опор без малейших опасений. И пускай время от времени из густой травы взлетали с громким хлопанием коричневые куропатки, а из кустарников кидались наутек резвые зайцы, срывая охотников на стремительную, не разбирающую пути погоню – теперь женщина могла позволить себе скакать вслед за ними по ближайшей тропе али вовсе по дороге, ибо между полей и огородов их имелось в достатке.

Между тем разосланные боярином Захарьиным холопы стали возвращаться. Иные – с грустью разводя руками. Иные – в сопровождении друзей Федора Никитича или просто московских бояр. Кто-то из новых охотников казался Ксении знакомым, кто-то нет. Вскоре показался даже князь Василий Шуйский в шелковой рубахе, замшевой ферязи и в ярко-изумрудных шароварах, с белоснежным кречетом на кожаной перчатке. Сопровождавшая его княжна, заметив боярскую дочь, отделилась от мужской компании, подъехала к ней:

– Доброго дня, Ксения! – пристроившись рядом, кивнула Елена. – Как тебе сегодняшнее развлечение?

– Никто, как ни странно, не убили, – улыбнулась боярская дочь и кивнула в ответ: – Рада тебя видеть, княжна. Прекрасное платье!

– Ты тоже выглядишь восхитительно, – вернула похвалу Елена. – Кстати, ты не знаешь, что за блажь пришла в голову нашего друга? Федор Никитич взбаламутил всех гостей, желает добыть ворона!

– Это я его попросила, – призналась Ксения.

– Зачем?!

– Я имею право на маленький бессмысленный каприз?

Княжна от всей души расхохоталась и мотнула головой:

– А ты, подруга, оказывается, зело коварна! Разве кто-то в этом мире умеет охотиться на воронов? Они же никому не нужны!

– Разве наши мужчины не лучшие из лучших? – невозмутимо пожала плечами боярская дочь. – Вот пусть и постараются!

– Во-о-орон!!! – внезапно послышался истошный крик, и все подняли головы.

Крупная черная птица поднималась над небольшой рощей, в которой среди липовых крон просматривался черный шатер с крестом на острие. Видимо, там находилось местное кладбище.

– Ворон!!! – Охотники дали шпоры коням и понеслись за добычей, не разбирая дороги: перепрыгивая ограды, проносясь по капустным грядкам, перемахивая через пасущихся на лугу

коров. Когда расстояние сократилось менее версты, боярин Захарьин сдернул колпачок с крапчатого сокола и подбросил его в воздух.

Тяжело и шумно взмахивая крыльями, хищник начал быстро набирать высоту – ворон же продолжал, покачиваясь из стороны в сторону, лететь куда-то на восток, не замечая опасности.

Кречет наконец-то забрался в самый зенит, сложил крылья, спикировал, камнем падая на черную дичь. Вот он ближе, ближе... Но в последний миг ворон внезапно качнулся в сторону, поджал одно крыло, и сокол проскочил мимо!

– Ты только посмотри! – восхищенно пробормотала княгиня Елена и резко отпустила поводья, пуская серую кобылку вскачь.

Хищник описал широкую дугу, снова стал забираться ввысь. Через несколько минут он оказался готов к новой атаке, опять разогнался с высоты, и тут ворон вдруг словно оперся обо что-то в воздухе, пропуская молниеносного убийцу перед собой, чтобы через мгновение продолжить свой полет. Пернатый охотник пошел на новый круг – ворон же вел себя так, словно не замечал ничего. Атака – мимо. Атака – мимо!

После очередного промаха сокол сменил тактику. Он не стал подниматься на головокружительную высоту, падением с которой трудно управлять, а начал сближаться с добычей на одной высоте – медленно, но неуклонно, с каждым взмахом крыльев. Ближе, ближе. Казалось, уж теперь-то ворона не спасет ничто! Но черная птица вдруг сложила крылья, свалившись в пике. Сокол рухнул следом, а ворон расправил крылья. Крапчатый кречет сделал то же самое, но, естественно, чуть позже, и провалился заметно ниже. А дальше произошло нечто и вовсе невероятное: ворон нырнул и обрушился на могучего хищника сверху! В воздухе закружилась схватка: птицы, падая, клевали друг друга, били крыльями, рвали когтями, шарахнувшись в стороны лишь в самый последний миг, в считанных саженьях над кустами.

Раскинулись широкие крылья, с каждым взмахом поднимая тяжелые тела все выше и выше. Сто сажен, двести, триста...

Сокол резко повернул, снова сцепился с врагом без разгона. Птицы закувыркались в небесной синеве, роняя перья; рухнули вниз, но через несколько мгновений расправили крылья, разошлись в стороны. Ворон опять начал набирать высоту, а кречет... Крапчатый кречет отвернул к Федору Никитичу и буквально упал ему на перчатку.

– Устал, – с жалостью в голосе объяснила случившееся княжна. – Полдня на охоте! Наверное, уже полста раз бедолаге приходилось в небо подниматься и дичь для хозяина бить.

В этот миг Василий Иванович освободил от шапочки своего белоснежного красавца и подбросил вверх. Княжеский кречет увидел добычу, начал спешно забираться в зенит, спикировал... В последний миг перед ударом ворон перевернулся на спину, подставил лапы, ударил клювом. Птицы сцепились в схватке, закувыркались в недолгом падении, разошлись – ворон продолжил полет, а сокол, описывая широкие круги, опустил в кустарник.

– Вот же исчадь небесное! – пробормотала Елена.

Охотники выпустили третьего сокола, принадлежащего кому-то из бояр. Размером заметно мельче двинских кречетов, он, тем не менее, решительно кинулся в схватку. Упал на ворона... Промахнулся. Набрал высоту, упал... Опять мимо. Еще одна атака... Опять впустую.

Черная кладбищенская птица, похоже, сильно измоталась и вступать в схватку больше не хотела, только уворачивалась. Однако и охотничий сокол за долгий день тоже успел притомиться. Его подъемы на высоту становились все медленнее, атаки – реже.

– Ушел твой ворон, Ксения, – потрепав гриву кобылке, покачала головой княжна. – Не возьмут.

Она оказалась права. После пары совсем уже ленивых, медленных бросков мелкий сокол отвернул к хозяину. Черный победитель затяжной воздушной битвы продолжил свой путь к далеким рощам в гордом одиночестве, а охотники, о чем-то неслышно ругаясь, разъехались в стороны.

– Давай, милая, возврататься в лагерь, – предложила зеленоглазая Елена. – Бояре догонят.

К удивлению Ксении, ее каприз пришелся боярам по душе. Вечером возле большого костра только и было разговоров, что об охоте на воронов, да о жестокой воздушной схватке, да о том, как старая черная птица легко ушла от трех соколов, ранив одного и вымотав остальных.

Князя ведь на охоту не с голодухи ездят, не за одной только добычей, но ради удовольствия. А что может быть интереснее, нежели выслеживание новой, незнакомой дичи, поднятие ее на крыло, науськивание соколов? Что может быть азартнее, нежели честная схватка равных по силе врагов? Таких впечатлений, как сегодня, охотники не получали уже довольно давно!

– Да уж, ворон – он в воздухе князь, – поднял кубок князь Шуйский, левой рукой крепко обнимая свою розовощекую улыбчивую Елену. – Храбрец, воин, победитель! Честь и слава такому врагу! Вот с кого пример всем нам надобно брать. Един супротив трех не дрогнул и целым ушел. За ворона!

– За ворона! – согласились остальные охотники.

Мужчины и женщины выпили.

– Ах да, чуть не забыл... – Федор Никитич отставил пустой кубок, поднялся на ноги, распрямился во весь рост, повел плечами.

Ксения, оставшись без опоры, тоже поднялась.

Но тут боярский сын Захарьин вдруг развернулся, опустил перед спутницей на колено, расстегнул поясную сумку, вытянул из нее черное, с сизым отливом перо и двумя руками поднес Ксении.

– Но ведь ворон ушел? – не поняла женщина.

– Ты не просила у меня птицы, моя нежна горлинка, – напомнил боярин. – Ты пожелала от меня только перо! Перьев мы у него выбили изрядно.

– Быть посему, – приняла подношение Ксения. – Слово есть слово, и я исполню любое твое желание, чего ты только ни прикажешь. Сказывай, мой повелитель, какова твоя воля?

– Пока еще не зна-а-аю... – протяжно ответил Федор Никитич, наклонился вперед и шепнул в самое ухо: – Так просто ты от меня не отделаешься, вольная ласточка. Коли уж у меня появился такой шанс, я придумаю для тебя что-нибудь особенное!

Он наклонился еще чуть-чуть, нежно прикусил мочку возле сережки, усадил, опустил рядом, крепко обнял за плечо, подобрал упавший кубок и поднял над головой.

Обученный слуга тут же наполнил его вином.

– За усладу очей наших, бояре! – провозгласил новый тост царский брат. – За наших женщин! Куда мы все без них?!

Развлечение продлилось еще два дня. Или, вернее – на второй день охотники начали разъезжаться. И сверх того еще две ночи Ксения провела с любимым в его опочивальне... После чего из Кремля, со степенным боярином, пришло царское напоминание о дворцовом обеде.

– Как только я отлучусь, ты сбежишь... – не столько спросил, сколько догадался боярский сын Захарьин.

– Я же не могу находиться при тебе вечно, – пожалала завернутыми в китайский шелк плечами женщина.

– Почему?

– Ну, а кем мне здесь оставаться, Федор Никитич? – слабо улыбнулась Ксения. – Содержанкой? Так ведь я тебя из любви сердечной ласкаю, и никаких подарков, никакой платы мне за то не надобно. Служанкой? Так любить по обязанности я тоже не хочу. Посему гостьей я в твоём доме была, гостьей и останусь. А гостье надобно рано или поздно уходить.

– И я опять не увижу тебя до очередного твоего каприза? Сидеть тут одному, как перст, да гадать, когда моя голубка снова прилетит?

– Зачем же гадать? – Гостья взяла его лицо в ладони. – Я же имени своего не скрываю. Боярская дочь Ксения Шестова, подворье отца моего на Арбате стоит. Коли соскучишься, сокол мой ясный, то... То... – Женщина запнулась, думая, как обмануть отцовское внимание. – То ты ромашку обычную сорви да человека какого с нею ко мне пришли. Я сразу обо всем и догадаюсь... – Ксения нежно поцеловала мужчину в губы. – Ты моя единственная радость, мой витязь, моя любовь, моя мечта, моя сказка. Только рядом с тобою душа моя поет, только рядом с тобою жизнь моя расцветает. Лишь намекни мне, что не забыл, я тут же птичкой быстрой к тебе прилечу и сердце свое раскрою.

– Лучше бы ты просто осталась, – ответил боярин.

Ксения поцеловала его снова и прошептала:

– Ступай, мой любимый. Твоей лягушонке пора натягивать старую зеленую шкурку.

Где-то глубоко внутри боярский сын Захарьин надеялся, что его вольнолюбивая гостья передумает, останется. Но когда он вернулся из Кремля, в опочивальне все оказалось аккуратно прибрано, а кровать перестелена. Здесь не осталось ни единого следа строптивой недолгой гостьи.

– Третьяк, ты где?! – выйдя к лестнице, громко закричал хозяин дома. – Ты меня слышишь?!

– Иду, Федор Никитич! – отозвался откуда-то далеко снизу мужской голос.

Боярин стал спускаться вниз и столкнулся с приказчиком на полпути к крыльцу.

– Вели баню истопить, Третьяк, – распорядился боярский сын Захарьин. – Хлебного вина туда отправь да редиски. И пришли кого-нибудь не сильно занятого спину мне потереть!

– Будет исполнено, Федор Никитич, – понимающе поклонился слуга.

Царскому брату хватило всего три дня, чтобы понять: он легко сможет заменить капризную «лягушонку» на куда более молодых и бойких девок в постели, на куда более умных собеседников за столом и на куда более знатных спутников на прогулках. Однако он никогда не сможет заменить ее ни на кого в своей душе.

Юные прелестницы были сладкими и умелыми, изысканно старательными, но не было в их ласках той подкупающей искренности и радости, к каковым он так быстро успел привыкнуть. Собеседники были умны, но в них не хватало той самой строптивости и самоуверенности, что порою так злила боярина в Ксении. Они боялись возражать хозяину, спорить, перечить. Федор Никитич разговаривал словно бы сам с собой. В его спутниках отсутствовала та веселая бесшабашность, с каковой гуляла боярская дочь Шестова. Они не умели сорваться с места, закружиться, засмеяться, и уж тем паче – неожиданно обнять Федора и поцеловать, нежно прижаться – и оттолкнуть.

И даже хмельное вино больше не даровало царскому брату былой легкой безмятежности.

Раз за разом привычные за долгие годы развлечения оставляли в душе Федора Никитича горько-кислое послевкусие. Словно бы из его жизни оказалось украдено нечто очень важное, самое живое. Некая искорка, солнечный зайчик, воздушная свежесть. В ней остался только пустой, постылый ритуал.

Боярский сын Захарьин поймал себя на том, что рассматривает разбитую вокруг сирени цветочную клумбу. Здесь росли миндаль и розы, лилии и орхидеи, люпины и гладиолусы. Тюльпаны, нарциссы, маки...

– Третьяк! – вскинув палец, остановил приказчика хозяин подворья. – У нас ромашки есть?

– Чего? – замер спешащий куда-то с тяжелой корзиной слуга.

– Ромашки. Это такие цветы на тоненьком стебельке, с желтой серединкой и белыми лепестками по краям, – сжал пальцы в щепоть боярин.

– А-а-а, ромашки, – опустил корзину приказчик. – За Курьим погостом вся луговина сплошь ими заросла. Я сие место обычно отдельно велю обкашивать и опричь сена прочего сушить. Ромашка, Федор Никитич, зело полезна, коли у скота брюхо пучит. Вот тогда заместо обычного корма ее и даю.

– Уже косил?

– Токмо собираюсь.

– Молодец, Третьяк! – ухмыльнулся боярский сын Захарьин. – С меня за сию твою находчивость рубль. Ты просто словно в воду посмотрел!

Ксения сидела у распахнутого окна и крупным крючком вязала из порезанной на тряпочные ленты старой одежды коврик для сеней. У обеих дворовых девок Шестовых работы было невпроворот: брюкву запарить, подстилку в курятнике поменять, белье выполоскать, корову подоить, и потому рукоделием боярская дочь занималась в одиночестве.

Внезапно в ворота постучали, заглянувший через створку смерд в суконной шапочке громко спросил:

– Сие есть подворье Шестовых? Ксения, дочь Иванова, здесь обитает?

– Здесь, здесь, – отозвался холоп, таскавший воду на конюшню.

– Тогда отворяй!

Воротины поползли в стороны, и на двор медленно вкатились три тяжело груженных возка.

Ксения охнула и выронила спицы: под ее окнами оказались три огромных, в два человеческих роста, стога из одних только свежих, пахнущих луговой влажностью ромашек!

Возничие деловито дернули узлы, держащие груз – и весь двор по колено затопило бесконечное множество цветов.

– Это еще что?! Откуда?! – послышался снизу голос Ивана Васильевича.

Ксения сорвалась с места, метнулась к лестнице, скатилась вниз, вылетела на крыльцо и повисла у отца на шее.

– Все хорошо, батюшка, это нам! – выдохнула она, не в силах сдержать широкой улыбки, и по очереди чмокнула отца в обе щеки.

– Платить не надобно, хозяин, – продолжая разговор, выгребали из телег остатки ромашек возничие. – Велено доставить. Про деньги ничего не сказано.

– Ничего не понимаю... – совсем растерялся боярский сын Шестов, однако дочку обнял. – Что происходит?

– У тебя же пять лошадей, батюшка! – рассмеялась Ксения. – Да еще две коровы, да поросята хрюкают. Вот и пригодится!

– Им же столько зараз не сожрать, – зачесал в затылке хозяин. – Это же все на сено сушить надобно... Где я все это стану раскладывать?!

Телеги развернулись и выехали со двора. Следом выскользнула и хозяйская дочка. Однако ошарашенный неожиданно свалившимся богатством Иван Васильевич этого, похоже, даже не заметил.

– На крышах, что ли, раскидать? – все еще ломал он голову. – Так ведь как бы дегтем не провоняло...

Ксения ворвалась в библиотеку, все еще хохоча, бросилась к полулежащему боярину, решительно его оседлав, и принялась целовать любимое лицо. Продолжая хихикать, обняла за шею, жадно впилась губами в алые уста хозяина подворья.

– Ну вот... – Федор Никитич захлопнул «Азбуковник» и откинул в сторону. – Все из головы вылетело. Хотел поразить тебя книжной мудростью, но теперь забыл, какой именно.

– Ты совершил страшную ошибку, мой ясный сокол, – сияя, сообщила женщина. – По совести, я должна поцеловать тебя хотя бы раз за каждый подаренный цветок. А их там столько, что не менее десяти лет расплачиваться надобно, коли не останавливаться.

– Тебе придется поторопиться, сладкая моя рыбонька, – отрицательно покачал головой мужчина. – У тебя только две ночи и один день.

– Что случилось?! – испуганно отпрянула Ксения.

– Да ничего страшного, ненаглядная моя, – смахнув сильной ладонью платок с женской головы, пригладил ее волосы боярин. – Гдовские рыбаки с чухонцами какие-то ловы не поделили. Трое в результате спора сего преставились, прочие добра всякого изрядно попортили. И теперича государь отправляет меня разбираться с сей досадой. Совместно с юрьевским епископом сыск провести и правых-виновных определить. Послезавтра выезжаю.

– Так скоро?

– Захотелось перед отъездом хоть краешком глаза на тебя посмотреть.

– До чего же, Федор Никитич, мне от твоих взглядов жарко! – покачала головой гостья и распустила завязки сарафана.

Ксения вернулась домой к полудню третьего дня, тихо прокравшись на двор через заднюю калитку, и неожиданно для себя наткнулась на отца, который босиком и в полотняной рубахе ворошил разложенные во всех свободных углах охапки ромашек.

– Здравствуй, доченька, – распрямившись, оперся на вилы Иван Васильевич. – Ну давай, сказывай. Опять, верно, баять станешь, как к заутрене до рассвета убегала?

Женщина, поняв, что попалась, предпочла понурить голову и промолчать.

– Ты, Ксюшка, верно, всех вокруг за дураков считаешь?! – повысил голос боярский сын Шестов. – Мыслишь, не догадываемся вовсе, что постель в светелке твоей по ночам то и дело пустует?! Да еще паломничества твои частые... Ладно, тебе ныне позора бояться поздно, но ты о родичах своих подумай! Твой разгул бесстыжий ведь на всех пятном ляжет! Али думаешь, блуд тайный никогда наружу не всплывет? Тебе ведь тридцать лет уже! Пора о душе подумать, о покое, о царствии небесном! Ох, верно мне сказывали, покуда дочь вожжами хорошенько не воспитаешь, она за ум-разум не возьмется и совести не найдет!

– Потерпи, батюшка, скоро уж все закончится, – пообещала Ксения. – Совсем немного осталось.

И она осторожно проскользнула вместо Ивана Васильевича в дом.

8 сентября 1590 года

Москва, Арбат

– Ксения Ивановна, купец к тебе просится! – Седобородый и сгорбленный холоп Лишка, служивший боярскому сыну Шестову чуть ли не с самого его рождения, растерянно почесал в затылке и посторонился.

В светелку, широко улыбаясь, вошел восточный торговец в чалме и полосатом халате, с коричневым, как гнилая деревяшка, да еще и приплюснутым сверху лицом. Прижав ладонь к груди, гость низко поклонился и выставил вперед цветок в шелковом мешочке:

– Сия лилия, любезнейшая моя госпожа, есть прекраснейшая из всех существующих, любимица султанов, ханов и падишахов, лучшее украшение дворцов и гаремов! Выбор прекраснейший из всех возможных, услада глаз твоих на долгие годы!

Цветок и вправду был хорош. Пять бутонов на трех стеблях, каждый размером с кулак ребенка. Широко раскрытый зев с желтым бархатистым краем, темно-вишневая серединка со множеством желтых крапинок.

– Токмо упаси тебя Аллах сажать его в землю! – округлив глаза, предупредил купец. – Его место, о краса подлунного мира, его удел парить перед окном, вкушая свет дня и радуя тебя чудесными красками. Все, что надобно сему цветку, так это купание раз в несколько дней в подогретой воде. Она совсем как человек, любезнейшая госпожа. Она не переносит грязи и холода, она любит тепло и омывание.

– Это все, конечно, хорошо, – кивнула Ксения. – Но с чего ты взял, что сие растение мне вообще надобно?

– Как с чего? – изумился цветочник. – Зашел ко мне сегодня боярин знатный, поведал, что цветок сей прекрасный ты намедни выбрала, плату оставил и сюда указал донести.

Только тут боярская дочь Шестова и сообразила, откуда и почему в ее светелке появилась эта изысканная индийская красота!

– Ступай, сама дальше разберусь, – схватила лилию Ксения и решительно выставила торговца за порог. – Лишка, проводи!

Хлопнув дверью, она крутанулась, открыла сундук, выхватила охотничье платье, переоделась, как можно тише выскользнула из дома, пробралась через двор и выскочила через заднюю калитку. Уже через час она вошла в двери подворья на Варварке, быстрым шагом пробежала к крыльцу, взметнулась вверх, легкими кивками отвечая на низкие поклоны слуг. В верхнем жилье женщина немного поколебалась, где искать хозяина, повернула к опочивальне. И да, действительно, Федор Никитич находился здесь. Совершенно обнаженный, он посапывал сном младенца, утонув глубоко в мягкой перине.

Гостья улыбнулась, присела на край постели, пару раз провела ладонью по телу от шеи до бедер. Затем наклонилась и стала его целовать.

– Ксения? – поднял веки царский брат. – Хивинский торгаш успел обернуться так быстро? А я вот после бани... Сомлел малость от пара.

– Молчи и не шевелись, боярин! – потребовала женщина. – Не мешай мне любоваться моим любимым.

Федор Никитич подчинился, отдав свое тело ее рукам и губам. Но его терпения не хватило даже на четверть часа. В какой-то миг он застонал, схватил Ксению за плечи, перекинул через себя в постель и воцарился над нею со всею жадной мужской страстью.

И была ночь, сладкая, как мед, и был день, нежный, как пух, и снова была ночь, полная ласк и истомы, и было утро, когда боярская дочь Шестова наконец-то смогла оторваться от сильного и красивого тела царского брата.

– Мне нужно тебе кое-что сказать, мой ясный сокол, – отодвинувшись на край перины и подбив подушку под плечо, заговорила гостья. – Ты только не беспокойся, все сии хлопоты я с легкостью решу сама. Просто... Просто, наверное, тебе тоже надобно об этом знать.

– О чем? – подпер голову ладонью боярин.

– Наши встречи не прошли бесследно, мой любимый. Вот уже больше двух месяцев, как я хожу тяжелой.

– Ты беременна?! – У Федора Никитича округлились глаза. Можно было подумать, до сего мига он даже не догадывался, откуда берутся дети! – И что теперь будет?

– Плод можно либо вытравить, – поморщилась Ксения, – либо родить. Родить и отдать кому-нибудь на воспитание. Коли платить серебро за присмотр и уход, будет расти себе чадо в покое и благополучии, и я даже смогу его навещать. Я полагаю сказать родителям, что хочу поселиться страдницей в Горской обители. Они давно уже этого от меня ждут и потому поверят. Сама же поеду в Заволочье, найду хорошую семью, договорюсь... Ну, а через полгода или через год, как сложится, вернусь и скажу, что в монастыре не понравилось.

– Полгода... – эхом повторил боярин.

– Полагаю, в конце месяца надобно будет отъезжать. Иначе живот заметен уже станет.

– Ты опять собираешься сбежать... На целых полгода! Даже на год. На целую вечность!

– Я не хочу убивать нашего ребенка, – шепотом ответила Ксения. – Травить его не стану.
– Потерять тебя на полгода... И лишь ради того, чтобы наше дитя выросло простым смердом?

– Если ты захочешь, то, как подрастет, можешь дать ему доход. Тогда он станет служилым человеком.

– Полгода, год... – откинулся на спину Федор Никитич. – Детей в чужие руки...

– Зато они будут живы. Их в любой день можно будет навестить, обнять.

Боярин с силой потер ладонью лоб, болезненно поморщился и сказал:

– Я знаю способ лучше. Я знаю, как сделать так, чтобы ты никуда не уезжала, не пропадала, как обойтись без расставаний, без хитростей и тайных знаков, как сделать так, чтобы все твои ночи принадлежали мне, а дни... И дни тоже были моими. И все вечера, и все рассветы. Ты просто выйдешь за меня замуж!

– Нет, не выйду, – покачала головой Ксения. – Я знаю, мой любимый витязь, ты благороден, честен и хочешь поступить по совести. Но я не могу стать твоей женой. Я порченная, старая и худородная. Твоя супруга должна быть достойна тебя, должна иметь благородное происхождение и безупречную судьбу. Мне же, мой могучий кречет, вполне хватит твоей любви. Я буду твоей, пока в твоём сердце останется для меня хоть малый уголок... А когда настанет час, то просто уеду к нашим детям. И буду счастлива.

– Ты выйдешь за меня замуж, – ответил Федор Никитич. – Мы никогда больше не расстанемся ни на миг, дети будут расти рядом с нами, и тебе не придется к ним уезжать.

– Я благодарна тебе, мой любимый, но твое благородство излишне, – мотнула головой женщина. – Я никогда не желала венчания. Не хочу, чтобы через пять или десять лет ты проклял меня и себя за сей светлый порыв. Чтобы твои друзья шептались у тебя за спиной, показывая на меня пальцем, а родичи укоряли неравным браком. Для моего счастья вполне достаточно твоих ласк. Ничего более мне не надобно.

– Ты, наверное, не поняла, боярская дочь Ксения свет Ивановна, – подмигнул гостье Федор Никитич, снова поднимаясь на локоть. – Я не прошу тебя стать моей женой. Я тебе приказываю!

– С чего это ты вдруг стал мною командовать?! – тут же вскинулась Ксения.

– Вспомни про перо ворона! – засмеялся боярин. – Ты поклялась исполнить любую мою прихоть! Вот и выполняй. Желание ты услышала. Теперь ступай домой и готовься к свадьбе. Завтра я пришлю сватов. – Мужчина чуть наклонился и легонько щелкнул Ксению по кончику носа: – Собирайся домой, мой лягушонок! Сегодня ты наденешь свою зеленую шкурку в последний раз. К концу месяца станешь моей целиком и полностью. До самого последнего мгновения и до самого крохотного волоска!

В этот раз Ксения вошла на отцовский двор через калитку и оказалась тут же замечена стоящими на крыльце родителями.

– Ксюшка, ты опять за свое?! – стукнул кулаком по перилам старый боярин, одетый ради свежего дня в суконовый кафтан с беличьим воротником и заячью ушанку. – Токмо я радоваться начал, что ты в разум вошла, а ты опять ночами дома не ночуешь, баба гуляющая! Совсем стыд потеряла!

Матушка молчала, стягивая на груди овечью душегрейку, однако смотрела укоризненно.

– Все, ты меня довела! Коли словам никак внять не способна, стало быть, сейчас вожжи принесу!

Боярская дочь тем временем поднялась по ступеням крыльца и тихо сказала:

– Папа, а я замуж выхожу...

– Ишь ты, сподобилась... – чуть понизил тон Иван Васильевич. – Правда, что ли? Кто же вдруг на тебя польстился, горемычная?

– Боярский сын Федор Никитич...

– Это который с Петровки, что ли, мясом торгует? Жилкин земляк?

– Это который с Варварки, – покачала головой Ксения. – Царский брат.

– А чего же тогда не сам царь-батюшка?! – моментально взвился боярин. – Али султан сарацинский с персидским шахом?! Тьфу, совсем умом тронулась с гулянками своими! – в сердцах сплюнул Иван Васильевич. – Женихи ей уже с пьяных походов мерещатся. Пошла прочь с глаз моих, ведьма бесстыжая!

Ксения перечить не стала, но в дверях обернулась:

– Вы бы все же приготовились сватов встретить. А то нехорошо как-то получится.

Женщина вошла в дом, и Мария Ивановна быстро перекрестилась:

– А вроде как серьезно она сказывала, Ванечка?

– Может, что и так, – неуверенно пожал плечами боярин. – Может, поманил кто-то обещанием таковым для разврата? В ее-то положении за любой посул, ровно утопающий за соломинку, ухватишься! – И Иван Васильевич тоже осенил себя крестным знаменем, вздохнул: – Эх, горемыка наша горемычная... За что же ей выпала таковая судьба мучительная?

Ксения тем временем поднялась к себе в светелку, сняла платье, разложив на лавке проветриваться. Подняла крышку сундука, достала шкатулку с драгоценностями: парой жемчужных сережек, янтарными бусами, иконкой в серебряном окладе, бисерными нарукавниками. Достала из сокровищницы перо ворона и откинулась с ним на постель. Подняла над лицом и подула. Легкое перышко взмыло ввысь, затем начало опадать. Женщина опять подула, заставив его взмыть обратно, подула снова... И неожиданно для нее самой глаза Ксении защипало от слез.

К полудню нового дня Арбат заполнился шумом и движением. На утопанную глинистую колею стремительно въехали полтора десятка холопов. На добрых конях, в новой упряжи, в атласных цветастых рубахах и суконных шароварах, заправленных в высокие сапоги, опоясанные ремнями с костяными накладками, сии рабы выглядели так, что иной боярин изошел бы от зависти. Вслед за ними на улицу вкатились запряженные четверками лошадей тяжелые крытые возки – обитые парчой и бархатом, с золочеными колесами, со стенками, крышей, задками, с резными передками, со множеством бубенцов, что звенели на конской упряжи. И все бубенцы, знамо – из чистого серебра.

Три роскошных, ценою в каменные хоромы, возка остановились возле подворья боярского сына Шестова. Холопы спешили. Одни метнулись ставить скамеечки под ноги выходящим на свет божий князьям, другие кинулись к воротам, сперва постучав, а затем нагло их перемахнув и разведя створки.

Князь Василий Шуйский, князь Андрей Куракин и князь Борис Черкасский по прозвищу Хорошай-мурза, одетые в крытые парчой собольи шубы с длинными, прорезанными посередине рукавами, в высоких бобровых шапках, со сверкающими из-под воротов самоцветными оплечьями и золотыми цепями степенно, бок о бок, вошли на двор, опираясь на посохи из вишни и мореного дуба, обитые медью внизу и серебром поверху, да с оголовьем из яхонтов и смарагдов – вошли на двор, остановились перед крыльцом, подняли глаза на замерших наверху растерянных хозяев.

– Ты, что ли, Иван Шестов будешь? – грозно поинтересовался Василий Иванович.

– Я... – сглотнул боярский сын.

Князь Шуйский переглянулся с сотоварищи, и они одновременно ударили посохами по тесу нижней ступени.

– У вас товар, у нас купец, красный удалой молодец! – громко провозгласили гости.

– Ой, мамочки... – только и выдохнул Иван Васильевич и схватился за сердце. А его супруга, не в силах справиться с предательской слабостью в коленях, отвалилась к дверному косяку...

* * *

На свадьбе боярского сына Федора Никитича и боярской дочери Ксении Ивановны гуляла вся Москва. Вроде как и незнатными людьми молодые уродились – ан жених от великой радости накрыл столы для всех желающих и на Варварке, и на Арбате, да еще и в Замоскворечье, и в Белом городе. Так отчего же и не повеселиться, не порадоваться за молодых? Не выпить хмельного меда, не позвенеть в колокола, не покричать здравицы, не подражаться с друзьями – ибо что за свадьба-то без драки?

Даже сам государь Федор Иванович не погнушался на этой свадьбе посидеть, вина заморского испить, «совета и любви» пожелать. И не один пришел – с супругой Ириной, крепкая любовь к которой вот уж двадцать лет в царе не угасала, да с братом жены Борисом, тоже уж четверть века в своей половинке души не чающем. Вот они – примеры настоящей любви и истинной супружеской верности! Глядя на такие семейные пары, любой зануда поверит, что нет для человека большего счастья, нежели вечные брачные клятвы принести!

Три дня гуляла вся Москва на свадьбе царского брата и Ксении Шестовой. А после того молодые собрались в паломничество по святым местам, в долгое свадебное путешествие, затеянное с обычной в таких случаях целью: чтобы родить первенца подальше от любопытных глаз. Там, где некому будет посчитать срок, прошедший между днем венчания и днем появления на свет счастливого младенца.

– Поперва в Сергиев Посад. – Внутри богатой, крытой кожей и обитой бархатом кибитки Ксения сидела у мужа на коленях, мягко пощипывая его бородку. – Оттуда в Горский монастырь, из него – в Белозерскую обитель. Оттуда до Вологды рукой подать, и аккурат к марту мы попадем в Павло-Оборскую пустынь. Там нашего мальчика и окрестим. Хочу, чтобы это сделал тамошний инок отец Пафнутий.

– Полагаешь, это мальчик? – погладил живот жены Федор Никитич.

– А кто еще может родиться у лучшего мужчины обитаемого мира? – поцеловала кончик его носа Ксения.

– Моего сына должен крестить московский митрополит, а не монах захудалого монастыря! – твердо заявил боярский сын Захарьин.

– Не спеши, мой милый, дай я тебе кое-что расскажу, – погладила мужа по щеке женщина. – Когда-то очень давно в моей жизни случилась беда, огромное несчастье. Если бы не оно горе, то сидела бы я сейчас хозяйкой на какой-нибудь усадьбе да девок дворовых гоняла. И никогда бы в жизни не встретила тебя, не познала бы настоящей любви, не стала бы счастлива. Но ведь тогда я не знала, что, пережив позор, ступила на дорогу к тебе! Тогда я думала, что рухнула в пучину безнадежности, намеревалась наложить на себя руки... Но нашелся инок, который убедил меня поверить в Промысел Божий. Смирненно пройти свой путь и узнать, что за награда ждет меня в конце? Если бы не он, то лежала бы я сейчас в сырой земле за кладбищенской оградой, а не целовала тебя в сахарные уста! Так неужели сей монах не достоин права принять нашего сына в лоно церкви? Назови мне хоть одного митрополита, более достойного, чем он!

– Если это правда... Если сей послушник действительно сотворил подобное чудо и сохранил мне тебя... – провел пальцем по щеке и шее жены Федор Никитич и твердо пообещал: – Тогда я сделаю его митрополитом! Как достойнейшего из достойных! И тогда все равно наших детей будет крестить митрополит.

– Все-то ты по-своему завсегда переворачиваешь, – рассмеялась Ксения и забросила руки мужу за шею. – Как же я жила без тебя, мой любимый? Почему же ты не затоптал меня еще десять лет назад?!

– Я пытался. Но ты слишком редко ходила на торг... – крепко обнял супругу боярин и уткнулся лбом в ее лоб. – Какое странное чувство... Ты больше никогда и никуда не убежишь, ты будешь просыпаться в моей постели каждое утро и проводить со мной все дни и ночи, ты станешь встречать меня дома после любой моей отлучки. Но мне почему-то все равно боязно оставлять тебя одну. Вдруг вернусь, а в доме опять пусто?

– Больше никогда, мой любимый! Никогда более ни одна сила в мире не сможет нас с тобой разлучить. Я тебе в этом клянусь!

Супруги уезжали из Москвы, крепко удерживая друг друга за руки и глядя друг другу в глаза. В эти часы в мире не было никого счастливее их.

* * *

Ксения и Федор Захарыны вернулись в столицу только через год. Вернулись с крепким мальчиком по имени Борис и найденным где-то в Костромских чащобах, чуть растерянным от обрушившихся на него почестей духовником. К общему изумлению, сей духовник почти сразу стал настоятелем дворцового Чудова монастыря – обители царственных особ и резиденции православного патриарха, а вскорости Пафнутий возвысился и до места архимандрита, стремительно вознесясь из безвестных иноков в высшие иерархи христианского мира.

Но это случилось потом. А в августе тысяча пятьсот девяносто первого года Ксения и Федор просто радовались возвращению, радовались ребенку, радовались друзьям, из которых чуть ли не первыми их навестили князь Василий Шуйский и его неизменная зеленоглазая спутница.

Супруги приняли неразлучную пару в библиотеке, оставив младенца с няньками и кормилицами, а сами утонули среди подушек, вкушая молодое вино и удерживая друг друга за руки. Напротив точно так же развалились на коврах Василий Иванович и княжна Елена, попивая угощение и напоминая друг другу о себе легкими прикосновениями пальцев.

– Ну, сказывай, друже, как тут жизнь без нас текла? – предложил князю Федор Никитич. – Чего нового, чего старого? Что изменилось и каких нам теперь ждать неожиданностей?

– Положим, дружище, главная из неожиданностей сидит перед тобой, – широко оскандился Василий Иванович. – Вот уже три месяца, как я стал первым среди наследников русского престола. Если Федор Иванович так и не родит сына, то его трон отныне законно наследую я!

– Не может быть! Как же тебе это удалось?

– Ничего особенного, – сделал пару глотков из своего кубка князь Шуйский. – Пара росчерков пера и немного внимательности. И все! Я теперь наследник.

– Да не томи же, Василий Иванович, не томи! – взмолилась Ксения, крепко беря мужа за локоть и приваливаясь к его боку. – Поведай нам о случившемся чуде со всеми подробностями!

Часть вторая. Царский брат

15 мая 1591 года

Углич, княжеский кремль

Нынешний май выдался жарким. Даже сидя в тени высоких княжеских хором, сложенных из красного кирпича, мужчины расстегнули и распахнули кафтаны, а молодой казак так и вовсе его скинул, положив на край скамьи за спиной. Щебетали птицы, тихо плескалась Волга, невидимая за бревенчатой стеной, негромко напевал караульный на угловой башне, гомонили мальчишки, играющие под нею в тычку своими поясными ножами. Чуть в стороне скучала сторожащая царевича нянька. Или, вернее – «поповича», ибо вот уже больше года царского потомка в Угличе заменял Димка Истомин, сын ярославского священника.

Подмена устраивала всех. Семья Нагих более не беспокоилась за самого важного из детей в своем роду; худородный священник мог надеяться, что его отпрыск в будущем станет служивым человеком из княжеской, а коли повезет – то и из царской свиты, и его самого милостями тоже не обойдут; мальчонка же после нищей избы как сыр в масле катался: дорогие одежды, вкусные угощения, собственная постель. Кто же от такого счастья откажется?

И потому нянька спокойно дремала на скамеечке, вдовья царица безмятежно обедала у себя в горнице, а ее брат Михаил Федорович спокойно играл в зернь с сотоварищи.

– Черное! – Приказчик Русин Раков, в сбитой на ухо лисьей шапке и со всклокоченной русой бородой, затряс ладонями, выкинул костяшки на скамью, аккуратно на три серебряные монеты.

Одна грань упала белой стороной вверх, другая черной.

– Пустой ход! – разом выдохнули боярин Михаил Нагой и казачий старшина Андрей Корела.

Кости радостно ухватил сидящий на березовом чурбаке гость с далекого Дона. Молодой еще воин, с едва пробившимися бородкой и усами, с по-молодецки наголо бритой головой, одетый в бордовую бархатную рубаху и синие шаровары, он был единственным, кого опоясывала сабля, а не просто ремень с парой ножей и поясной сумкой.

– Черное! – Казак разжал ладони, и костяшки покатались по скамье. Одна остановилась почти сразу, белой стороной вверх, вторая прокатилась на три пяди дальше, крутанулась на уголке. Мужчины на миг затаили дыхание... И опять – белая сторона!

– Да чтоб тебя! – Игроки полезли в поясные сумки, достали по серебряной монетке и бросили на кон. Боярин черпнул из стоящего прямо на земле бочонка ковш хмельного меда, сделал несколько глотков, передал Андрею Кореле. Тот тоже отпил, отдал приказчику. Русин Раков, приложившись, вернул корец Михаилу Нагому.

После двух кругов ковш опустел, и Михаил Федорович бросил кости.

– Черное! – выдохнул он, и кубики послушно повернулись чернотой наверх.

Нагой рассмеялся, сгреб серебро и спросил:

– Еще по одной, други?

– Везет тебе, боярин! – завистливо выдохнул Корела и выложил на скамью блестящую монету.

– Должна же и мне хоть раз удача выпасть! – недовольно оскалился Раков и тоже полез за серебром.

Михаил Федорович черпнул еще ковш хмельного меда, отпил, пустил по кругу. Тоже сделал ставку.

– Черное! – упрямо повторил приказчик, бросил... и разочарованно выдохнул: – Проклятый Карачун! Белое!

Мужчины скинулись по серебру, казак затряс ладонями... Поморщился:

– Пустышка! Опять, вестимо, к тебе удача повернулась, боярин!

– Белое!

Костяшки покатались и повернулись черной стороной вверх.

Кон увеличился еще на три монеты.

– Ну же, ну же, ну же... – Приказчик что есть силы затряс ладонями. – Черное, разорви меня березой!

Костяшки запрыгали, покатались...

– Е-е-е-сть!!! – Мужчина радостно вскинул руки над головой. – Ну наконец-то!

Раков сгреб серебро, высыпал в подсумок, оставив только одну монету, и показал ее сотоварищам:

– Продолжаем?

Проигравшие вздохнули, сделали свои ставки.

– Белое! – Казак бросил, и тоже угадал. Но лишь разочарованно цыкнул зубом: – Всего две к одной. Давайте еще кружок?

Боярин зевнул, опять зачерпнул, пустил ковш по рукам. А затем на скамью снова легли три монеты, через которые почти сразу перекатались костяшки.

– Пустышка! Вот и мимо тебя удача прошла, Михаил Федорович! – щелкнул пальцами казачий старшина, а приказчик просто сгреб со скамьи кубики. Затряс в ладонях, злорадно ухмыляясь.

– Где моя не пропадала? Белое!

– Пустой ход! – теперь настала очередь смеяться боярину. Андрей Корела, наоборот, сосредоточился, нашептывая что-то над костяшками.

– Ш-ш-ш... Черное! – Он разжал ладони. – Есть! Этот кон мой! Две монетки, зато мои! Курочка по зернышку клюет...

– Из церкви благополучно вернулись, Михаил Федорович? – Из Дьячей избы¹¹ вышли четверо стряпчих и направились к игрокам.

Никита Качалов, Данила Третьяков и еще какой-то писарь с перепачканной чернилами бородой тяжело дышали в отороченных мехом, распахнутых кафтанах, под которыми белели полотняные рубахи, и только Данила Битяговский, сын надзирающего за воспитанием царевича дьяка Михаила Битяговского, щеголял в зеленой атласной рубахе и длинной синей ферязи без рукавов, шитой из дорогого индийского сукна. Для теплой погоды – самая подходящая одежда.

– Как Дмитрий Иванович, в порядке ли? – еще раз спросил Даниил Михайлович.

– А чего с ним делается? – не поворачивая головы, буркнул Михаил Нагой. – Вон балуется.

Родовитый боярин не собирался отчитываться перед недорослем, сидящим на писарской должности. Демонстрируя полное свое небрежение собеседником, он даже зачерпнул еще меда, отпил, пустил ковшик по кругу.

Молодой стряпчий подошел ближе, глянул на играющих в ножички мальчишек. Небрежно сообщил:

– Мы, Михаил Федорович, ныне пообедать отлучимся. Коли нужда возникнет, на отцовское подворье вестников посылай.

Боярин Нагой на подобное указание и вовсе не обратил внимания; демонстративно пропустил мимо ушей, повторно прикладываясь к ковшу со сладковатым хмельным напитком.

– Ой, а чего это с царевичем? – Молодой стряпчий двинулся к мальчишкам.

¹¹ Дьячая (Разрядная) изба – здание местной администрации. По архитектурной форме может оказаться каким угодно. Хотя в Угличе это было, скорее всего, бревенчатое строение.

В этот раз Михаил Федорович соизволил повернуть голову, найти взглядом поповского сына... И по его спине пополз холодок.

Одна из двух главных примет царевича Дмитрия: большая родинка у носа – исчезла!

Отклеилась, потерялась, пропала. Осталась только та, что на лбу. И это означало, что прямо сейчас, через мгновение, главный секрет семьи Нагих будет раскрыт. Все узнают, что настоящего, истинного Дмитрия Ивановича в Угличе нет, давно пропал! Что перед слугами царскими и самим государем его изображает обычный худородный мальчишка.

Боярин, стремительно трезвея, медленно поднялся.

Что-то нужно было сделать – прямо сейчас, немедленно! Пока проклятый стряпчий не успел поднять тревоги!

Рука боярина скользнула к поясу, он сделал три быстрых шага к Даниилу...

Между тем глаза младшего Битяговского уже округлились от страшной догадки. Он сделал глубокий вдох, открыл рот и что есть мочи закричал:

– Изме... – Крик оборвался предсмертным хрипом, и Михаил Федорович отступил назад, выдергивая окровавленный нож из спины увидевшего лишнее бедолаги. Вскинул руку, указывая на его сотоварищей:

– Держи их!

Стряпчие, серея лицом, попятились. Никита Качалов схватился было за нож, однако Андрей Корела, поднявшись с чурбака и глядя куда-то влево, одним стремительным широким движением выхватил саблю и тут же с полуборота рубанул его поперек груди, рассекая сверкающим, остро отточенным клинком и кафтан, и рубаху, и живую плоть под ними. Мужчина только охнул и, уже мертвый, откинулся на спину. Его товарищи, уже не помышляя о сопротивлении, кинулись бежать.

– Не упустите! – рявкнул Михаил Федорович.

Казачий старшина с показной неспешностью воткнул окровавленный клинок в землю, вложил пальцы в рот и оглушительно засвистел. Стоящие у ворот караульные повернули головы.

– Валите их! – коротко распорядился Корела, для пущей наглядности проведя большим пальцем по горлу и ткнув указательным пальцем в сторону драпающих мужчин.

Охрана заулыбалась, предвкушая развлечение, поднялась с лавок, потянула из ножен клинки. Стряпчие, осознав опасность, повернули и, петляя и визжа, как зайцы, прыснули в стороны, исчезли между пристенными амбарами и сеновалом.

– Свят, свят... – Тихий выдох заставил боярина метнуть взгляд на крыльцо. Там, в ужасе наблюдая за происходящим, застыли трое слуг.

– Раков, детей лови! – крикнул Михаил Федорович и бросился к ступеням.

Холопы, поняв, что их ждет, кинулись в дом, но врезались в затворенную дверь. Один догадался скакнуть через перила и юркнуть за сложенную у стены поленницу, другие замешкались. Мелькнул брошенный казаком нож, звучно ударился о створку, вынудив слуг в испуге пригнуться, замешкаться. Они снова толкнули двери, вваливаясь в сени, кинулись ко вторым дверям, но не успели – молодой и быстрый казачий старшина, распластавшись в прыжке, дотянулся кончиком сабли до ноги одного, вынудив припасть на колено, тут же рубанул по голове второго, обратным движением добил подраненного.

Запыхавшийся боярин, забежав в дом, только облегченно кивнул, выскочил обратно, перевалился через перила, шумно бухнувшись в какие-то палки и носилки, забежал за поленницу, зло сплюнул:

– Сбежал! Корела, ты его видел?

– Осип это был, няньки Волоховой сын, – отозвался с крыльца казак. – И чего дальше будет, Михаил Федорович?

– Стряпчих в реку, и скажем, что не видели. Ушли и пропали. Холопов туда же, и концы в воду. Сестре велю не искать. И няньку выпороть, дабы впредь за приметамы следила! Вот токмо Осипа надобно обязательно словить, – озабоченно добавил боярин Нагой. – Много лишнего видел. И этих...

«Эти» еще бегали по двору, отчаянно пытаясь спасти свои жизни. Писарь, проползая под амбаром, попытался зарыться в сено. Однако многоопытные в грабежах казаки сразу заметили странное шевеление сухой травы и принялись колоть сеновал пиками. Вскоре болезненный вскрик показал им, где находится жертва. Несчастного выволокли за ноги и беззлбно доби́ли усеянным железными шипами шестопером.

Данила Третьяков оказался чуть более везучим – заметил приоткрытую дверь, заскочил в нее, накинуд крючок, побежал наверх по ступеням. Однако стряпчий отлично знал, что рано или поздно его все равно найдут и убьют. Он так и не понял, что вдруг такое случилось, и с чего боярин Нагой внезапно взъярился на молодого стряпчего? Но очевидца сего душегубства Михаил Федорович в живых, понятно, не оставит.

За дворцом же с плачем и воем улепетывали от приказчика Русина Ракова семилетние мальчишки. Они тоже ничего не понимали, и им тоже хотелось жить, а не валяться в лужах крови, как двое зарезанных у них на глазах добрых людей.

– Вели казакам закрыть ворота и никого не выпускать, – почти успокоившись, распорядился Михаил Федорович. – Надобно Осипа словить, от тел избавиться да сыск небольшой провести, кто чего видел и слышал? А то как бы кроме сих холопов, – боярин кивнул на крыльцо, – еще какие лишние глаза не случились...

И тут над Угличским кремлем оглушительно запел, зазвенел набатный колокол!

– Кабаний клык мне в печень! – только и смог выдохнуть боярин. – Кто-о?!

Это был Данила Третьяков. Добежав наконец-то до верха лестницы, он внезапно нашел свой путь к спасению и теперь что есть силы раскачивал тяжелый язык могучего набата, поднимая на ноги весь огромный город.

– Только бы успели, только бы прибежали! – громко молился он небесам, с надеждой глядя на ворота.

Если появятся люди, если он успеет крикнуть им со звонницы о случившемся душегубстве, то они защитят, убийства не попустят. Резать его прилюдно никто не посмеет.

Но первыми песню древнего колокола услышали, понятно, казаки. С легкостью выбив дверь на звонницу, сразу пятеро бывалых воинов забежали наверх.

– Лю-юди!!! – закричал им Данила, указывая на вбегающих в ворота угличан. Горожане, схватив кто ви́лы, кто копье, кто просто железную палку или оглоблю, бежали на помощь своему удельному князю. – Они увидя-а-а!..

Казаки не стали смотреть на ворота, а просто перекинули его через перила поджидающим внизу товарищам, и те тут же доби́ли все еще хрипло дышащего мужчину.

– Где беда? – На звук набата выскочила на крыльцо Мария Федоровна, на ходу повязывая платок. Судя по обвислому темному платью с единственной юбкой, она как раз собиралась прилечь после обеда.

– Васька твоя родинку забыла поповичу прилепить! – зло рявкнул на сестру боярин Нагой. – А крысеныш Битяговский углядел! Пришлось затыкать. Получилось тихо, да токмо кто-то на колокольне трезвонит. Теперь побитых утопить не успеем.

– Вот дура! Вот раззява! – Спустившись вниз, вдовая царица взяла из поленницы длинную березовую палку и двинулась на упавшую на колени няньку.

Тем временем приказчик наконец-то словил вертлявого поповского отпрыска и волок его за шкуру и за руку к хоромам. Мальчуган извивался и брыкался и во всю глотку орал:

– Я не царевич!!! Пусти меня, я не царевич! Не убивай, я не царевич! Димка Истоминя!!! Не убива-а-ай!!!

– Да заткни же ты его!!! – Михаил Федорович побежал к Ракову, схватил поповича за вторую руку, приказчик положил ладонь малому на рот, однако мальчишка крутил головой, извивался и орал такое, отчего количество «лишних ушей» увеличивалось с пугающей скоростью. – Молчи, дурень! Закрой свою пасть!

Боярин через плечо оглянулся на ворота. В них уже забегали встревоженные набатным звоном горожане. Многие десятки людей разных званий и разного сословия, в большинстве с оружием, готовые сражаться за своего князя до последней капли крови. Еще немного, считанные шаги – и они всё услышат...

– Димочка, милый, замолчи, – неожиданно ласково попросил боярин Нагой. – Очень тебя прошу.

– Я не царе-еви-и-ич!!! – взбрыкнулся, высоко подбрасывая ноги, мальчишка.

Михаил Федорович снова оглянулся на ворота, тихо пробормотал:

– Прости меня господи... – и с силой провел ножом по горлу ребенка.

Попович тут же замолк, несколько раз судорожно дернулся и затих.

– Что теперь, Михаил Федорович? – с надеждой спросил приказчик.

Боярин промолчал.

Толпа приближалась. Михаил Нагой теперь уже никак не успевал спрятать тела и скрыть следы случившегося. Не оставалось времени ловить Осипа Волохова, заменять крикливого поповича другим мальчиком или привозить истинного Дмитрия Ивановича, дабы показать людям, некогда было искать ненужных свидетелей. Требовалось придумать иной выход. И как можно скорее, пока за случившееся душегубство не повязали его самого!

Позади послышался топот копыт, зазвучал знакомый голос:

– Что здесь случилось? Кто в набат бить повелел?!

И тут Михаила Федоровича осенило!

Он подхватил тело убитого ребенка на руки, распрямился и повернулся к нахлынувшей толпе, поднял малого перед собой:

– Слушайте меня, люди православные! – громко провозгласил он. – Вы посмотрите, что творится! Люди Битяговские царевича нашего Дмитрия зарезали! Данила Третьяков зарезал, да Осип Волохов, Никита Качалов, да Данила Битяговский! И дьяк Михаил Битяговский с ними заодно!

Уже спешившийся царский надзиратель от сих слов стал белым, как атласная рубаха, в которой он прискакал в кремль. Толпа яростно взревела, и слова оправдания, каковые дьяк Битяговский попытался произнести в свою защиту, утонули в общем шуме. На несчастного обрушились сразу две оглобли, вилы и лопата, но он не упал, а кинулся бежать в Брусную избу и даже сумел спрятаться внутри. Но против всеобщей ярости тесовая дверь не продержалась и нескольких мгновений. Горожане выволокли Битяговского обратно на свет и принялись забивать ногами и рукоятями вил.

– Осипа Волохова ловите! – громко напомнил боярин Нагой. – Осип тоже резал!

Толпа отозвалась одобрительным гулом и стала растекаться в стороны. Михаил Федорович облегченно перевел дух и понес поповича в дом.

– Добром сие не кончится. – Андрей Корела появился откуда-то со стороны стены. – Теперь смерды не успокоятся, пока половины города не разнесут. Царь после такового бунта обязательно следствие учинит. Дьяка государева, я вижу, истоптали насмерть. Сего Федор Иванович тоже не простит.

– Вестимо, да, – признал боярин.

– Пойми меня правильно, Михаил Федорович, – облизнулся молодой старшина. – Я ваш род уважаю, и Марию Федоровну, и тебя, и Дмитрию Ивановичу навеки верный слуга. Служили мы вам всегда честно, и впредь на нас положиться можете. Но токмо какой прок в казачьих саблях супротив царского следствия? Мне о людях своих заботиться надобно. Посему ныне

я им собраться прикажу, а завтра с рассветом мы отплывем. Можем и тебя забрать, Михаил Федорович. С Дону выдачи нет!

– Плыви один, Корела, – разрешил боярин. – А мой род, моя земля и мое дело всегда здесь были. Мне их бросать не с руки. А уж там... Что будет, то и будет. Судьба...

8 сентября 1591 года

Москва, Варварка

Князь Шуйский, Василий Иванович, допил вино из кубка, закусил горстью алой владимирской вишни, потянулся и закончил свой рассказ:

– Вот так бояре Нагие в собственную ловушку и угодили! Возжелали спрятать царевича от опасностей за тайным двойником, да опосля сего двойника с именем Дмитрия Ивановича прилюдно, с шумом и всеобщим оповещением и зарезали. Почитай, нет более царевича в нашем мире! Мертв. О чем обширный документ составлен, Думой боярской и церковным Собором одобрен и волею государя нашего Федора Ивановича утвержден. Так что я теперича, с какой стороны ни посмотри, первый престолу наследник! – Гость молодоженов весело подмигнул Федору Никитичу, обнял свою спутницу за плечо и аккуратно поцеловал ее в шею под подбородок.

Княжна запищала и закрутилась:

– Васька, отстань, щекотно!

– Как на царствие взойдешь, меня милостями не забудешь? – спросил боярский сын Захарьин, снова наполняя кубки.

– Как можно, друже! – широко улыбнувшись, развел руками князь. – Хочешь, первым боярином тебя назначу? Али наместником земель всяких, как Федор Иванович свояка своего... Этого... Ну, который его супруге брат?

– Борис из рода Годуновых, – напомнил имя царского конюшего хозяин дома.

– А-а, – небрежно отмахнулся Василий Иванович и поднял кубок: – За государя нашего, мудрого и справедливого давайте выпьем, долгие ему годы, да здоровья крепкого! Чем дольше он править станет, тем дольше мы сможем охотам, скачкам и вину предаваться, хлопотами державными не тяготясь! А коли наследника родит, так и вовсе хорошо. Служба, стало быть, ему достанется, а семейные радости мне! – И гость снова «защекотал» зеленоглазую княжну.

– Так жив малой царевич али нет? – так и не поняла Ксения.

– По жизни – вроде как и жив, – пожал плечами князь. – Но по решению вышнему, печатью и подписью скрепленному, мертв без единого сомнения. И коли Нагие захотят его к жизни возвратить и на престол продвинуть, намучиться в сем деле им придется презрядно. Мыслю я, что и вовсе ничего теперь не выйдет.

– Но почему они тогда в подмене не признались, истинного царевича не показали?

– Милая моя, они не могут, – поправил супруге выбившуюся из-под кокошника прядь волос Федор Никитич. – Показать Дмитрия Ивановича прилюдно – это все равно что в чужие руки его самолично отдать. Государю, патриарху, нашему другу Василию Ивановичу али князьям Мстиславским. Наследник, милая, только тогда жив и шансы на возвышение имеет, когда за ним семья сильная стоит, злато да родичи. Нагие же ныне в опале, владений лишены, сами по порубам разосланы. Заступить за ребенка не смогут.

– Нечто, мыслишь, бояре изведут сироту, малое дитя?

– Да зачем же его изводить, помилуй Бог, Ксения Ивановна?! – откровенно обиделся князь Шуйский. – Нечто мы схизматики кровожадные али басурмане какие друг друга по вражде семейной истреблять? Нет, красавица наша, на святой Руси сие безумие не в чести. В монахи его постричь, и вся морока! Хоть сейчас можно сие сотворить за измену. Он ведь в крамоле участие принимал, царя ложным обликом обманывал? А Федор Иванович и без того братика младшего недолюбливает. Даром, что ли, повелел из молебнов «за здравие» имя его

исключить? Бунт в Угличе учинили, государя обманули? Вот тебе и повод хороший постылого родича в иноки записать да в обитель далекую спровадить, грехи замаливать!

– А коли царь мараться не пожелает, патриарх постарается, – с легкой зевотой добавил боярский сын Захарьин. – Возьмут сиротку в монастырь на воспитание да зачнут его учить заместо хивинской алгебры, бухарской географии, арабского языка и русского ратного дела всякой римской латыни, да вере греческой, да молитвам и житиям. Так годам к пятнадцати и вырастет из него заместо князя храброго и умного святоша монастырский. И путь ему выйдет един: постриг да игуменство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.